

Институт российской истории
Российской академии наук

**ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ
В СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ**

На материалах Комиссии
по истории Великой Отечественной войны АН СССР,
1941—1945 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва—Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-31-12065

Отв. редактор С.В. Журавлев

Авторы текста и комментариев:

А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов,
Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов

В56 Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-98712-530-4

Данная книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий. В центре внимания — история создания, основные направления и результаты деятельности, руководимой известным историком И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941—1945 гг. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их возможности для выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98712-530-4

© Коллектив авторов, 2015
© Институт российской истории РАН, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015

История 6

Сколько было героев?

Воины дивизии И.В. Панфилова в боях 1941 г. под Москвой

В фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР хранится уникальный комплекс стенограмм бесед с командирами, бойцами и политработниками 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени генерала И.В. Панфилова (осенью 1941 г. — 316-я стрелковая дивизия). В их числе — стенограммы интервью с двумя оставшимися в живых героями-панфиловцами — И.Р. Васильевым и Г.М. Шемякиным. Всего в фонде насчитывается 32 стенограммы бесед со свидетелями подвига: 13 стенограмм, записанных в 1942 г., 2 стенограммы за 1944 г. и 17 стенограмм за 1946—1947 гг.

Как нами было установлено, самую активную роль в интервьюировании и в сборе материалов по истории Панфиловской дивизии в 1942 г. сыграл писатель Александр Альфредович Бек, которого вскоре читатели узнали по его повести «Волоколамское шоссе», посвященной самому критическому этапу обороны Москвы.

До войны А.А. Бек принимал участие в горьковских проектах 1930-х гг. «История фабрик и заводов» и «Герои двух пятилеток». В них он приобщился к истории, приобрел опыт сбора материалов и записи бесед. Для А.А. Бека эта работа стала началом складывания его особого творческого метода, а именно «документально-художественной прозы», в основу которой была положена достоверность повествования, достигавшаяся скрупулезным изучением документов и широким использованием интервью с очевидцами и участниками событий. О том, как в 1930-е гг. проходила работа в «кабинете мемуаров», А.А. Бек напишет спустя 30 лет в небольшом автобиографическом очерке «Страницы жизни» (1964):

«Нам, нескольким молодым писателям и журналистам — мы именовались «беседчиками», — было дано поручение: пусть люди двух пятилеток, участники великих дел, сами расскажут о себе. Ваше дело — талантливо слушать, то есть настроить собеседника, чутко, заинтересованно ему внимать, вызывать вопросами красноречивые подробности, словом, добиться задушевного, яркого рассказа. Мы приносили в «кабинет» эти вызванные нами к жизни, открывающие новую действительность исповеди больших и малых сынов века. Стенограммы бережно хранились, составляли все пополняющуюся библиотеку, или, как мы тогда говорили, «стенотеку». Они рассматривались как основа неких близящихся новых явлений в литературе. Мы понимали: если люди двух пятилеток не расскажут о себе, то и нам, писателям, о них не рассказать.

Мой распорядок дня складывался в те годы так: утро за письменным столом, за второй повестью о доменщиках, вечером обязательно беседа. Пять-шесть стенограмм в неделю — такой была норма «беседчика» <...>¹.

В дневниковой записи от 2 июня 1934 г. А.А. Бек рассказывает о том, как в то время он набирался опыта по сбору интервью.

«<...> Теперь общее замечание о методике бесед. Я делаю обычно так: пусть человек сначала расскажет в хронологическом порядке все, что он знает, здесь я сравнительно мало перебиваю его вопросами, а возникающие у меня вопросы записываю для памяти, чтобы поставить их потом. Следующий этап — более подробное выяснение разных интересных эпизодов. Следующий — ты просишь обстоятельно рассказать об интересующих тебя лицах, выпрашивая разные подробности, случаи, черты характера, штришки, причем непременно добивайся конкретизации. Например: «он скупой», ты спрашиваешь: в чем это выразилось, какие случаи привели вас к этому заключению? И наконец, следующий этап — твои вопросы касаются разных проблем: вопрос быта, организации труда, организации общественной жизни, взаимоотношения с русскими и пр. и пр. И обязательно опять эпизоды, штришки, детали, детали и детали.

Таким образом, ты переворачиваешь, перелопачиваешь весь материал несколько раз и получаешь все, что человек может дать. Во время беседы обязательно подбадривай рассказывающего выражением заинтересованности, изумления, восклицаниями: «вот как!», «эге!», «это интересно» и т.д. Конечно, подоплекой таких восклицаний служит неподдельный интерес. Фальшивить не надо, неискренностью можно все испортить. Пусть будет удивительна хотя бы лишь крупица, но непременно как-то ее отметить. И, глядишь, твой собеседник разойдется, одолеет смущение или какие-то другие свои тормоза, рассказ польется свободней, интересней.

Да, вот еще что. Если человек мнется, не решается что-то выложить под стенограмму или говорит: «это не записывайте», ты оборачиваешься к стенографистке и произносишь: «Напишите: не для печати». Эти три словечка почти всегда действуют магически, как-то сразу успокаивают рассказчика, и беседа продолжается. Но если что-то действительно не пришлось застенографировать, это надо в тот же вечер или на следующее утро хотя бы кратко записать: потом это в памяти стирается <...>².

Литератор К.Г. Паустовский, тоже бывший «беседчик», в своих воспоминаниях так характеризовал работу А.А. Бека: «Всех поражал придуманный Бекон способ работы над книгами. Прежде всего, Бек, найдя свою тему, по его словам — «золотую жилу», определял главного героя и круг людей, необходимых ему для очередной книги. Это всегда были реальные люди. Потом Бек просто-душно, но беспощадно выпрашивал этих людей обо всех обстоятельствах их жизни и работы до самых последних мелочей. При этом Бек старался помень-

¹ Бек А.А. На фронте и в тылу. Повести, рассказы, страницы из записной книжки. М., 1965. С. 9—10.

² Бек А.А. Почтовая проза / Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 4. М, 1976. С. 100.

ше записывать, чтобы их не смущать. Таким образом, у Бека накапливалось много записей и стенограмм. После их расшифровки Бек приступал к работе. Он переводил стенограммы на язык художественной прозы и смело компоновал книгу. Он добивался полной достоверности, но вместе с тем, отбирая, разъединяя и соединяя в разных комбинациях полученный материал и давая свою собственную окраску и оценку людям, создавал не документальную, а подлинно художественную прозу. Так была написана книга о Курако и остальные книги Бека, вплоть до прославившего его на весь мир «Волоколамского шоссе» <...>. И далее там же: «Бек предложил устроить при Союзе писателей грандиозное хранилище стенографически записанных бесед со всеми замечательными людьми нашей страны. Таким образом, утверждал Бек, мы создадим великолепный свод по истории СССР и вместе с тем дадим в руки писателей богатейший материал. Каждый сможет пользоваться для работы любыми стенограммами. Насколько я знаю, Бек даже начал составлять обширный список наших выдающихся современников, которых следовало опросить. В этот список входили ученые, инженеры, изобретатели, рабочие, артисты, писатели, агрономы, селекционеры, певцы, путешественники, революционеры, архитекторы, бетонщики, поэты, садоводы, балерины, врачи, путейцы, моряки, полководцы, охотники — люди всех профессий и разнообразного, подчас неожиданного жизненного опыта. К сожалению, этот грандиозный план не удалось осуществить»³.

Когда началась Великая Отечественная война, А.А. Бек добровольцем записался в дивизию народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы. Ему посчастливилось остаться живым и вырваться из окружения под Вязьмой в начале октября 1941 г. Затем он стал военным корреспондентом журнала «Знамя» и несколько раз в ноябре-декабре в составе группы военных журналистов газеты Западного фронта «Красноармейская правда» выезжал на фронт под Москву — на Волоколамское направление, где держала оборону 78-я (затем 9-я гвардейская) стрелковая дивизия под командованием полковника А.П. Белобородова⁴. Итогом этих поездок на фронт стал небольшой очерк «Восьмое декабря», посвященный боевым будням комдива. По-видимому, тогда же писатель задумал написать большую книгу о Битве под Москвой. Вот как об этом позднее, уже в 1960-е гг., вспоминал сам Бек:

«Месяцы битвы под Москвой я — уже в качестве военного корреспондента — провел в войсках, оборонявшихся на Волоколамском направлении. Небольшая книжка «Восьмое декабря» (которую я в дальнейшем озаглавил «День командира дивизии»), написанная в радостные дни нашего контрнаступления, явилась своего рода моим корреспондентским отчетом. Тогда же мною завладела мысль о повести, рисующей сражение под Москвой. Я еще не знал, где и как найду главных героев, не знал, какие эпизоды изберу сюжетом, но, чув-

³ Паустовский К. Книга скитаний // Новый мир. 1963. № 11. С. 84.

⁴ Белобородов А.П. (1903—1990) — советский военачальник, дважды Герой Советского Союза. В октябре-декабре 1941 г. был командиром 78-й (9-й гвардейской) стрелковой дивизии, отличившейся в боях под Москвой на волоколамском направлении.

ствуя себя, по сказанному позже слову поэта, «грядущего собственным корреспондентом», был убежден, что обязан изложить, хотя бы и не могучим пером, страницы жизни, знаменательные страницы мировой истории, в которые мне даровано было заглянуть. Острое сознание историчности того, что являлось горячей современностью, историчности еще грохотавшего сражения, — в этом заключалось первое мое убеждение, почва или воздух будущей повести»⁵.

В январе 1942 г. Бек побывал у командующего 16-й армией К.К. Рокоссовского⁶, а затем решил поехать в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию, чтобы собрать материал о 28 героях-панфиловцах, о которых к тому времени стало широко известно благодаря публикациям в прессе. Он писал по этому поводу: «В начале 1942 года я поехал в дивизию имени Панфилова, уже продвинувшуюся от подмосковных рубежей почти до Старой Руссы. Опять пошла в ход прежняя, досконально мне известная методика — знакомства с теми, кто воевал под Москвой, неустанные расспросы, нескончаемые часы в роли «беседчика» <...> Прожив около месяца в полку Момыш-Улы, я в раннюю мартовскую ростепель снаряжился восвояси, покинул его блиндаж. Со мной вышел комиссар полка — светловолосый кубанец Логвиненко. На прощание он сказал:

— Вы побывали в орлином гнезде. Смотрите, не окажитесь глупым птенчиком.

Это напутствие зарубкой легло в душу. Еще пять или шесть раз я наведывался к панфиловцам, прежде чем взяться за повесть <...>»⁷.

С учетом описанного выше богатого опыта Бека понятно, почему именно к нему обратились сотрудники Комиссии, перед которыми стояла задача собрать материал о 8-й гвардейской стрелковой дивизии.

И.И. Минц был крайне заинтересован в том, чтобы опросить по свежим следам героев-панфиловцев. Но так как научных кадров для такой работы катастрофически не хватало (историки-профессионалы были мобилизованы в качестве политруков в действующую армию или находились в резерве ГлавПУРа), Минц решил использовать для этой цели военных корреспондентов, имевших опыт интервьюирования и участия в исторических проектах.

4 сентября 1942 г. зампредседателя Комиссии И. Разгон направил начальнику политотдела 8-й гвардейской стрелковой дивизии старшему батальонному комиссару Логвиненко письмо следующего содержания:

«Комиссия по истории Великой Отечественной войны поручает писателю тов. А.А. Бек собрать наиболее важные материалы по истории вашей дивизии. С этой целью Комиссия поручила т. Бек А.А. застенографировать рассказы активных участников: командиров, комиссаров, политработников и бойцов вашей дивизии.

Просим Вас оказать необходимое содействие т. Бек в выполнении данной работы»⁸.

⁵ Бек А.А. На фронте и в тылу... С. 11.

⁶ Результатом поездки к командующему 16-й армией стала статья А. Бека «Рокоссовский».

⁷ Там же. С. 12—13.

⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 89.

Осенью 1942 г. А.А. Бек выехал на передовую и взял интервью у командиров, бойцов и политработников 1073-го стрелкового полка Панфиловской дивизии. После чего он отправил готовые стенограммы бесед в Москву. Об этом свидетельствует записка научного сотрудника Комиссии А.Л. Сидорова: «Материал представлен 10/ХП-42. писат[елем] Бек и машинисткой Уфлянд. Запись произв[ел] Бек. А. Сидоров. 10/ХП-42 г.»⁹.

Одновременно Комиссия собирала материалы для сборника о Героях Советского Союза. 22 октября 1942 г. ученый секретарь Комиссии А. Белкин направил новое письмо Логвиненко. В нем он просил начальника политотдела собрать имеющиеся в дивизии материалы о генерале И.В. Панфилове и 28 гвардейцах-панфиловцах, которым за оборону Москвы было присвоено звание Героев Советского Союза:

«Уважаемый товарищ Логвиненко!

Комиссия по истории Великой Отечественной войны получила информацию от тов. Бек о работе по собиранию материалов для истории Вашей части, которая у Вас организована. Надеемся, что будет собран плодотворный материал для создания истории. Сейчас у нас к Вам две просьбы:

1. Для очерка о Герое Советского Союза т. И.В. Панфилове срочно нужны дополнительные сведения: материалы из вашей газеты, фото и др.

2. Для очерка о 28 гвардейцах-панфиловцах в издание «Герои Советского Союза» также нужны статьи из Вашей газеты.

Просим прислать все возможное с[о] стенографисткой т. Уфлянд»¹⁰.

14 января 1943 г. Минц направил письмо с аналогичной просьбой генералу А.А. Лобачеву — члену Военного Совета 16-й армии, в составе которой Панфиловская дивизия в 1941 г. воевала под Москвой:

«Комиссия по истории Великой Отечественной войны готовит к печати 1-й том издания «Герои Советского Союза». В 1-й том предполагается ввести очерк о героическом подвиге 28 панфиловцев.

Комиссия обращается к Вам с просьбой написать по этому поводу свои соображения, а также прислать имеющийся у Вас документальный и мемуарный материал, правильно освещающий эпизод на разъезде Дубосеково»¹¹.

Как только Минцу стало известно, что двое из 28 героев остались живы, 21 декабря 1942 г. он направил письмо старшему батальонному комиссару Кулакову — в часть, где они продолжали службу, с просьбой организовать их интервьюирование:

«Комиссия по истории Великой Отечественной войны подготавливает по заданию ГлавПУР РККА издание «Герои Советского Союза», в которое должны войти очерки о всех Героях Советского Союза Отечественной войны. По сведениям, полученным в НКО, у Вас находятся Герои Советского Союза тов. Васильев Илларион Романович и тов. Шемякин Григорий Михайлович. Про-

⁹ НА ИРИ РАН. Раздел 1. Оп. 28. Д. 36.

¹⁰ Там же. Раздел 14. Оп. 1. Д. 26. Л. 105.

¹¹ Там же. Л. 146.

сим Вас сообщить нам, каким образом можно организовать для них вызов или застенографировать их беседы на месте их расположения. Если они вы- были, то сообщите, пожалуйста, их адреса»¹².

Одновременно Минц предполагал подготовить историю боевого пути 8-й гвардейской Панфиловской дивизии. 24 января 1943 г. он направил письмо комдиву Чернюгову¹³:

«Уважаемый товарищ Чернюгов!

По указанию директивных органов Комиссия по истории Великой Отечественной войны приступила к составлению историй гвардейских частей. История вашей дивизии, носящей имя генерал-майора И.В. Панфилова, должна быть написана и издана в первую очередь.

Нам известно, что в рядах Вашей дивизии имеется несколько литературных работников, и, по нашему мнению, было бы целесообразно, если бы история панфиловской дивизии была написана товарищами, проделавшими боевой путь вместе с дивизией.

Мы просили бы вас выделить автора или авторов, которые могли бы быстро (в 3—4 месяца) под нашим руководством написать историю дивизии. К этой работе мы рекомендовали бы привлечь и писателя А.А. Бека, уже написавшего первую часть повести-хроники «Волоколамское шоссе» — ценную и интересную работу, в которой показана история одного батальона панфиловцев.

По нашему мнению, было бы полезно командировать выделенного Вами автора со всеми материалами в нашу Комиссию, чтобы здесь проделать основную литературную работу. Просьба сообщить нам о принятом Вами решении»¹⁴.

К сожалению, в фонде Комиссии, помимо стенограмм, нет материалов о боевом пути этой дивизии.

Тем не менее, стенограммы бесед с командирами, политработниками и бойцами 8-й гвардейской стрелковой дивизии позволяют реконструировать наиболее дискуссионный отрезок ее боевого пути, а именно участие в обороне Москвы в октябре-декабре 1941 г. В это время дивизия в течение 60 дней непрерывно вела тяжелейшие бои на линии фронта от г. Волоколамска до станции Крюково. На этом направлении главного удара противник сосредоточил дивизии вермахта, значительно превосходящие панфиловцев по численности и боевому оснащению войск.

Сравнение текстов стенограмм с книгой А.А. Бека «Волоколамское шоссе» показывает, что писателю почти не потребовалось ничего домысливать, что большинство сюжетных линий повести находят свое полное подтверждение в рассказах панфиловцев и что многие респонденты стали прототипами главных героев книги.

¹² Там же. Л.140.

¹³ Чернюгов С.С. — генерал-майор, командующий 8-й гвардейской стрелковой дивизией имени И.В. Панфилова с 20 октября 1942 г. по 12 марта 1944 г.

¹⁴ НА ИРИ РАН. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 169—170.

Писатель А.К. Гладков¹⁵ отметил в своем дневнике от 5 мая 1944 г., что «лучшим из всего напечатанного о войне мне кажутся очерки А. Бека о панфиловцах и обороне Москвы, напечатанные в «Знамени»¹⁶. А 16 октября 1944 г. он сделал еще одну весьма примечательную запись, посвященную Беку и его книге «Волоколамское шоссе»:

«Прочитал вторую повесть А. Бека о панфиловцах (в 5—6 номерах «Знамени»). Мне и первая понравилась, но эта еще лучше. Удивительно это превращение посредственного критика и сочинителя разных литрезюлюций в настоящего полновесного прозаика. Романы Симонова¹⁷ и Леонова¹⁸ перед этим — пустяки. Вот пример, как быстро настоящая работа меняет все ранги в литературе.

Мне особенно приятно делать эту запись в день юбилея «16 октября» 1941 года, когда казалось, что все пропало, государство рушится и летит в тартарары. Помню в те дни Бека: он был спокойным, любопытным. То исчезал на фронте, то появлялся в столовой клуба писателей, все время мелькал и не рассказывал шепотом никаких сенсаций, как другие, хотя вероятно, знал о том, что происходит, больше многих»¹⁹.

* * *

На волне разоблачения советских мифов важно, что называется, с водой не выплеснуть ребенка. Это относится и к подвигу панфиловцев. В начале 1990-х годов появились первые публикации, ставящие под сомнение сам факт боя панфиловцев с немецкими танками 16 ноября 1941 г. или же геройское поведение солдат. Постепенно все, что происходило в это время у разъезда Дубосеково, было некоторыми названо «литературным вымыслом». В результате отрицается не только факт того конкретного боя, но и, по сути, мужество и самопожертвование, проявленные бойцами Панфиловской дивизии на подступах к Москве. Дошло до того, что журналист В.А. Красиков — автор книги «История российских побед без ретуши» (М., 2010) с кощунственной издевкой назвал мемориальный комплекс, выстроенный близ Дубосеково в 1975 г., «напоминающим варварское капище с ритуальными истуканами, величиной с многоэтажный дом». Оскорбляя память об оставшихся в живых Героях Советского Союза из числа 28 панфилов-

¹⁵ *Гладков А.К.* (1912—1976) — советский драматург, театровед, автор блистательной пьесы «Давным-давно», которая не сходила со сцен театров страны многие годы со времени ее премьеры в 1941 г., состоявшейся в осажденном Ленинграде. Фильм «Гусарская баллада» снят Э. Рязановым в 1962 г. На протяжении всей своей жизни вел дневниковые записи.

¹⁶ *Гладков А.К.* Из дневниковых записей. 1941—1945 гг. / Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 268—269.

¹⁷ *Симонов К.М.* (1915—1979) — советский писатель, поэт, общественный деятель. В годы войны написал пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», повесть «Дни и ночи», две книги стихов «С тобой и без тебя» и «Война».

¹⁸ *Леонов Л.М.* (1899—1994) — советский писатель. В годы войны написал пьесу «Нашествие», за которую в 1943 г. получил Сталинскую премию 1-й степени, а также произведения «Обыкновенный человек», «Ленушка», повесть «Взятие Великошумска».

¹⁹ НА ИРИ РАН. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. С. 287—288.

цев — о Тимофееве, Шемякине, Шадрине, Васильеве²⁰, которых он называет героями-панфиловцами в кавычках, В.А. Красиков пишет: «В послевоенные годы они охотно выступали перед октябрятами и пионерами, рассказывая детишкам, как поджигали один за другим рвавшиеся к Москве германские танки». А произведения советских поэтов и писателей Тихонова²¹, Светлова²², Бека и других, посвященные подвигу панфиловцев, по мнению этого «мифоборца», являются продолжением сталинского «патриотически-воспитательного» мифа²³.

Что нового дают собранные А. Беком осенью 1942 г. стенограммы бесед для современной дискуссии по поводу подвига 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково? Являлся ли этот подвиг чистой воды вымыслом, пропагандистским мифом, не имевшим реальных оснований? Если это не так, то что именно в этой истории, впервые рассказанной журналистами о жестоком бое 16 ноября 1941 г. на участке обороны 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка (комполка полковник Капров) 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала Панфилова, соответствовало действительности?

Сначала несколько слов об обстоятельствах боя. Противник, упредив наше наступление на Волоколамск, 16 ноября 1941 г. начал активные боевые действия с целью продвижения на Москву. Основной удар принял на себя левый фланг 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова. Там держал оборону 1075-й полк под командованием полковника И.В. Капрова. Первыми приняли на себя удар противника небольшие (до взвода) группы истребителей танков из 4-й и 5-й рот этого полка. Они заранее выдвинулись вперед и окопались на танкоопасных направлениях в районе железнодорожного разъезда Дубосеково и деревни Ширяево. На передовую позицию, кроме того, была выдвинута группа из 13 автоматчиков под командованием М. Габдуллина, которая была придана для усиления 5-й роты. Накануне боя 16 ноября 1941 г. истребители танков получили противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. В их распоряжении было еще несколько противотанковых ружей. Артиллерийская, танковая поддержка и поддержка с воздуха практически отсутствовали.

Итак, разъезд Дубосеково, считавшийся стратегически важным пунктом, утром 16 ноября прикрывали не 28 панфиловцев, а более 200 солдат — 4-я и 5-я роты 1075-го стрелкового полка. В ходе боя, однако, многие из них погибли. Несмотря на героическое сопротивление, во второй половине дня 16 ноября немцам все же удалось прорвать их линию обороны и выйти в тыл соседнего 1073-го полка Панфиловской дивизии. В 4-й и 5-й ротах, личный состав которых в ходе боя, отступая и закрепляясь на новых позициях, частично перемешался между

²⁰ Не все 28 героев-панфиловцев погибли в боях у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. Остались в живых И.Р. Васильев (1910—1969), Г.М. Шемякин (1906—1973), И.Е. Добробабин (1913—1996), Д.А. Кожубергенов (1917—1976), И.Д. Шадрин (1913—1985), Д.Ф. Тимофеев (1907—1950).

²¹ Тихонов Н.С. (1896—1979) — советский поэт. В марте 1942 г. написал поэму «Слово о 28 гвардейцах».

²² Светлов М.А. (1903—1964) — советский поэт и драматург. В 1942 г. Светлов, работавший спецкором газеты «Красная звезда», написал поэму о панфиловцах «Двадцать восемь».

²³ Красиков В.А. История российских побед без ретуши. М., 2010. С. 184.

собой (поэтому, к примеру, политрук 4-й роты Клочков оказался рядом с солдатами из соседней 5-й роты и прокричал знаменитую фразу, что отступить некуда — позади Москва), осталось в строю по несколько десятков человек — примерно пятая часть состава до боя. Остальные 16 ноября были убиты и ранены.

Бывший в 1941 г. командиром 1075-го стрелкового полка И.В. Капров в ходе допроса следователями военной прокуратуры в 1948 г. показал, что больше всего пострадала в ходе этого боя 4-я рота во главе с ее командиром Гундиловичем, что из нее уцелело только человек 20—25. Если журналисты, написавшие о 28 панфиловцах, имели в виду остатки 4-й роты к концу боя 16 ноября, то они не сильно покривили против истины по поводу численности бойцов.

Историк В.О. Осипов уже в наши дни на основании всей совокупности известных документов, включая материалы прокурорского расследования 1948 г., взялся проанализировать, был ли на самом деле 16 ноября 1941 г. бой под Дубосеково с участием 4-й роты, в которой служил политрук Клочков. Осипов пришел в итоге к следующим выводам: бой 4-й роты с немецкими танками был, 4-я рота сражалась героически, понесла большие потери, политрук Клочков пал смертью храбрых, что это реальный, а не вымышленный персонаж²⁴.

Обратимся теперь к архивным документам. Благодаря газетным вырезкам, которые хранятся в фонде Комиссии Минца, мы можем утверждать, что первые журналистские статьи о героических действиях Панфиловской дивизии под Москвой 16 ноября 1941 г. в целом соответствовали реальным событиям и не содержали явных преувеличений. Они были написаны не журналистами Коротеевым²⁵, Чернышевым²⁶ и Кривицким²⁷, как утверждали расследовавшие это дело в 1948 г. следователи военной прокуратуры.

Первым был корреспондент газеты «Известия» Г. Иванов. В своей корреспонденции из действующей армии под названием «8-я Гвардейская дивизия в боях» (написана 18 ноября — спустя всего два дня после знаменитого боя у Дубосеково, опубликована в номере от 19 ноября 1941 г.) Иванов сообщал о

²⁴ Осипов В.О. Политрук Клочков: факты и версии // Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. М., 2006.

²⁵ Коротеев В.И. (1911—1964) — военный корреспондент «Красной звезды», который 27 ноября 1941 г. одним из первых сообщил на страницах газеты в статье «Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву» о подвиге одной из рот дивизии во главе с политруком Диевым.

²⁶ Чернышев В. — военный корреспондент газеты «Комсомольская правда», который вместе с Коротеевым выезжал на фронт в расположение частей Панфиловской дивизии. 26 ноября 1941 г. он опубликовал в газете заметку «Слава бесстрашным героям», в которой рассказывалось о группе красноармейцев из Панфиловской дивизии во главе с политруком Диевым, вступившей в схватку с 54 вражескими танками.

²⁷ Кривицкий А.Ю. (1910—1986) — советский писатель, публицист, журналист. В годы войны был военным корреспондентом газеты «Красная звезда», а затем и литературным секретарем редакции газеты. 28 ноября 1941 г. опубликовал передовицу «Завещание 28 павших героев», а 22 января 1942 г. на страницах газеты появился его очерк «О 28 павших героях», где впервые Кривицким были названы поименно герои-панфиловцы, участвовавшие в бою у разъезда Дубосеково. Все очерки и рассказы, стихи и поэмы, появившиеся на эту тему в печати позднее, написаны либо Кривицким, либо при его участии и в различных вариантах повторяют его первую публикацию «О 28 павших героях».

жестоком бое одной из рот воинской части командира Капрова. По соображениям секретности в статье в/ч не называлась, но мы знаем, что полковник Капров был командиром 1075-го полка, в составе которого сражались 28 панфиловцев. Приведем полностью отрывок из этой корреспонденции в «Известиях», касающийся боя 16 ноября 1941 г.:

«Немецкое командование начало наступление на левом фланге части командира Капрова. Фашисты бросили в бой 60 танков и до одного полка пехоты. Противник намеревался вклиниться в расположение одного нашего подразделения, форсированным ударом пробить линию обороны и выйти в наш тыл. Разгадав замыслы врага, тов. Капров произвел перегруппировку, обеспечивая надежное охранение флангов.

В 10 часов утра с опушки леса боевым порядком пошли в атаку неприятельские танки. Они двигались развернутой линией. Наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь. Во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота. Подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами.

Группа немецких танков окружила подразделение советских бойцов, открыла кинжальный огонь. Положение становилось угрожающим, но никто из красноармейцев не оставлял своего боевого места. А немецкие танки продолжали двигаться вперед, сжимая кольцо, гремя стальными гусеницами.

Было два выхода из положения: или фашистские танки наскочат на наше минированное поле и приостановят атаку, или... надо противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью пробить путь вперед, выйти на соединение с основными силами.

Один немецкий танк взорвался на минированном поле, остальные начали обход этого участка. И тогда совершилось то, о чем нельзя говорить без восторга. Бойцы спрятались в окопах и стали ждать. Оставалось либо выявить себя и быть уничтоженным пулеметным и артиллерийским огнем, либо зарыться в землю, подпустить неприятеля на близкое расстояние и забросать его танки гранатами.

Люди избрали второе и добились успеха. Как только враг приблизился на 25—30 метров, группа героев обрушила на него шквал противотанкового огня. В результате горячей схватки девять танков противника были подбиты, три сожжены, а остальные, не выдержав упорного сопротивления смельчаков, повернули обратно. Отбив атаку, наша стрелковая рота выдвинулась вперед и, пользуясь замешательством врага, соединилась со своей частью»²⁸.

Как видим, в статье Г. Иванова сообщается о бое, в котором участвовала целая стрелковая рота. Нет ни 28 героев, ни 18 подбитых ими немецких танков. Все это появится в позднейших публикациях Коротеева и Кривицкого.

Журналист Иванов также сообщал, что 16 ноября на участке действий германской роты «девять танков противника были подбиты, три сожжены». Из

²⁸ Газета «Известия» от 19 ноября 1941 г. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 4. Оп. 1. Личное дело на Героя Советского Союза Панфилова И.В.

такой формулировки не вполне ясно, были ли выведены из строя в общей сложности 12 немецких танков или сгоревшие танки входили в число 9 подбитых. В любом случае это число не выглядит фантастическим и не сильно расходится с цифрой, которую называют в публикуемых ниже интервью непосредственные участники тех боев.

Теперь предоставим слово самим панфиловцам, в первую очередь выжившим после боя у разъезда Дубосеково И.Р. Васильеву и Г.М. Шемякину (напомним, что, по официальной версии, все 28 погибли). Здесь нужно иметь в виду один важный момент: оба героя были опрошены сотрудниками Комиссии уже после того, как в начале 1942 г. в центральных газетах появились статьи А.Ю. Кривицкого о героическом бое 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково²⁹. Поэтому и в рассказе Васильева в декабре 1942 г., и в интервью Шемякина, которого опрашивали еще позже — в январе 1947 г., уже присутствуют клише, вольно или невольно заимствованные ими из «официальной версии» событий боя. Эти места мы выделяем в стенограммах интервью курсивом и для наглядности даем в сравнении с газетными текстами Кривицкого (в сносках).

Из стенограммы беседы с Васильевым Илларионом Романовичем, Героem Советского Союза, одним из участников боя 28 панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых. Запись беседы была сделана 22 декабря 1942 г. в Москве в госпитале научным сотрудником Комиссии Р.И. Кроль и стенографисткой О.А. Росляковой.

«Приказали окопаться около разъезда Дубосеково. Окопались. Приезжают Панфилов и Капров — командир полка. «Кто вам разрешил здесь окапываться?». Мы говорим: командование. «Не здесь надо окапываться. Вот на этом бугре окапывайтесь, около дороги». Где командование сказало, там и стали окапываться. Мы опять окопались. Взяли лошадей и сани и давай шпалы возить, укрепления делать. У нас с правого фланга была ложбинка, а с левого фланга луг большой, который подходил к линии железной дороги. Дорога как раз шла из д. Ждановой. Мы на этой дороге окопались и укрепились. Два ряда шпал накатником накатали, замаскировались. Нас назначили в боевое охранение. На горе около д. Ждановой были большие окопы выкопаны. Я стоял на посту. Не помню какого это было числа, то ли 10-го, то ли 11-го <...> Вдруг мина пролетела и взорвалась недалеко около этой деревни. Я забежал в избу и говорю политруку Клочкову:

— Из минометов начинают по деревне?

— А много?

— Нет, — говорю, — одна пролетела дурная, но считал долгом вам сообщить.

Потом слышу, с той стороны деревни из автоматов стали стрелять по нас. Когда из автоматов стали стрелять, я заскочил в избу и говорю: «Давайте в ружье! Тревога!».

²⁹ Кривицкий А.Ю. «О 28 павших героях» // «Красная звезда». 1942. 22 января.

Все повыскачили, похватали винтовки и давай напором идти по этой деревне. В это время начали стрелять по опушке леса. Мы стали отстреливаться. Немцы сперва сопротивлялись, потом стали отступать. Отступить стали в лес. Скопились на опушке леса, тут мы стали ловить их на мушку. Убили мы тут человек 30. Всего их было человек 50. Остальные отошли. Мы — опять на исходные позиции в деревню, повыше поднялись. Смотрим, как раз против наших окопов машина за машиной. Десять автомашин идет, пехоту везут. Мы сразу в окопы, по окопам расположились. Они начали стрелять. Там около шести часов держали схватку. Глядим — три танка идут. Нас была человек в 30 группа. Танки идут, а у нас патроны на исходе, нечем стрелять. Свяznego послали, но свяжной не вернулся. Бились-бились, политрук Клочков говорит: «Патроны на исходе, давайте отойдем на исходные позиции, потому что нас могут захватить».

Немцы заняли эту деревню Жданово. Боевое охранение послали в Красиково, где стоял второй взвод. Туда пять человек немцев устремились в разведку. Недалеко наш взвод был, а мы находились в окопах около разъезда Дубосековского. Они прибегают и говорят, что много немцев заняли Красиково. Командир роты говорит: «Давай, второй взвод, сейчас же окружить деревню и взять!».

Мы эту деревню обошли, выгнали немцев, взяли в плен двух, двух убили, один убежал, три автомата взяли, ручной пулемет взяли. Пришли на исходные позиции опять в Дубосеково. Это было числа 13-го. Мы тут два дня или три побыли.

Числа 16-го нам выдавали заработную плату, старшина привез. Мы попеременно ходили получать заработную плату, в ведомостях расписывались.

16-го числа часов в шесть утра немец стал бомбить наш правый и левый фланги, и нам доставалось порядочно. Самолетов 35 нас бомбило.

После воздушной бомбардировки *колонна автоматчиков* из д. Красиково вышла. *Шли они в полный рост*. Как раз бугор перед ними был. Они пошли на этот бугор. Мы, конечно, думали, что измена, потому что нет команды огонь открывать, а *они подходят совсем близко*. Потом *сержант Добробабин*, помкомвзвода был, *свистнул*. Мы по автоматчикам огонь открыли. Мы бьем, они, конечно, идут. Это было часов в семь утра. Погода была ясная, мороз, денек хороший был.

Автоматчиков мы отбили. Тут у нас недолгая схватка была. *Уничтожили человек под 80³⁰*. Там не до счета, считать не приходилось.

После этой атаки политрук Клочков подобрался к нашим окопам, стал разговаривать. Он поздоровался с нами.

— *Как выдержали схватку?*

— *Ничего, выдержали.*

³⁰ Сравним у А.Ю. Кривицкого в его статье «О 28 павших героях»: «Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царил странная, неестественная тишина. Сержант (*Добробабин*) заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист <...> Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяется недалеко от окопа» («Красная звезда». 1942. 22 января).

Мы думали, что, отбив атаку автоматчиков, нам придется продвигаться вперед. Но команды «вперед» нам не дали.

Политрук Клочков заметил колонну танков. Говорит: «Двигаются танки, придется еще схватку терпеть нам здесь». Танков шло штук 20. Он говорит: «Танков много идет, но нас больше. 20 штук танков, не попадет на каждого брата по танку»³¹.

Мы все обучались в истребительном взводе. Ужаса сами себе не придавали такого, чтобы сразу в панику удариться. Мы в окопах сидели.

— *Ничего, — говорит политрук, — сумеем отбить атаку танков: отступать некуда, позади Москва*³².

Стали на той почве, что не будем отступать и все. Бойцы тоже.

Танки стали продвигаться по направлению к нашим окопам, придвинулись совсем близко к окопу. Офицер вылез из танка и закричал: «Рус, сдавайтесь в плен!» Тут сразу в него несколько залпов положили. Но тут изменник вышел с правого фланга, поднял руки кверху, ударился в панику.

Когда мы ехали на фронт, то мы говорили, что паникерам и трусам нет на советской земле места, *их должна карать своя же рука и наша партия.*

*В него прогремело несколько залпов*³³. Стрелял в него я сам лично.

Приняли бой с этими танками. С правого фланга били из противотанкового ружья, а у нас не было противотанкового ружья. Приходилось выскакивать из окопа. Команду политрук подавал:

— Принять бой с танками, вылезти из окопов!

Начали выскакивать из окопов и под танки связи гранат подбрасывать. Подбросишь связку гранат под гусеницы танка, сам отбегаешь в сторону и ложишься на землю. На экипажи бросали бутылки с горючим. Взрывы слышали. Что там рвалось, не знаю, только здоровые взрывы были в танках. Если не на экипаж бросишь, то на задний мотор бросишь или на бензиновый бак бутылку с горючим.

Как раз перед этим боем числа 15-го мы получили бутылки с горючим. Наш истребительный взвод вызвали подарки получать. Говорят: «Подарки привезли, идите получать». Стояли мы тогда в большом селе Петелино. Мы

³¹ Сравним у А.Ю. Кривицкого: «— Здорово, герои! К окопу добрался политрук роты Клочков <...> В тот день Клочков первый заметил направление движения танков противника и поспешил в окоп. — Ну, что, друзья, — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много! <...> Добираясь к окопу, Клочков понимал, что ждет его и товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды красноармейцев, думал: «Выдержим до конца» <...>» («Красная звезда». 1942. 22 января).

³² Сравним у А.Ю. Кривицкого: «— Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!» («Красная звезда». 1942. 22 января).

³³ «Был еще и двадцать девятый. Он оказался трусом и предателем. Он один потянул руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: «Сдавайся!» <...> Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не стовариваясь, без команды выстрелили в изменника. Это сама Родина покарала отступника» («Красная звезда». 1942. 22 января).

думали, подарки, как на северо-западном направлении получали. Приходим туда. Командир роты говорит: «Ну, давайте получать». Открыл ящик, достает. «Не думайте, что подарки только нам, и Гитлеру подарок к празднику». Какой праздник был, я, конечно, не знаю. Мы тогда получили большое количество и бутылок с горючим, и гранат.

Мне пришлось два танка подорвать тяжелых. *Мы эту атаку отбили, 15 танков уничтожили. Танков пять отступили в обратную сторону*³⁴ за деревню Жданово.

После этой схватки небольшая передышка была, так минут 30, наверное. В первом бою потерь не было. Может быть, были потери с правого фланга. На моем левом фланге потерь не было.

Политрук Клочков заметил, что движется вторая партия танков, и говорит: «Товарищи, наверное, помирать нам здесь придется во славу родины. Пусть родина узнает, как мы деремся, как мы защищаем Москву. Москва — сзади, отступать нам некуда».

Так нам говорил всем. Танки стали приближаться к нам совсем близко. Когда приблизилась вторая партия танков, Клочков выскочил из окопа с гранатами. Бойцы за ним. Но мечта уже была потеряна, настроение было уже не такое, как при первой схватке, нервы уже не такие были. Прямо бежишь, как сумасшедший. Из окопа выскакиваешь, бежишь зубы состиснув. Думаешь — все равно помирать так помирать, бить так бить. С таким настроением выскакивали из окопов и шли.

В этой последней атаке я два танка подорвал: тяжелый и легкий. Танки горели. Потом под третий танк я подобрался, который был левее меня, танк был тяжелый. Он шел по направлению ко мне. Я подбежал к нему с левой стороны. С правой стороны Петр Сингербаев³⁵ — казах — подбежал к этому танку. Я помню, что бросил связку гранат. Не помню, в связке было 4—5 или 6 штук гранат. Тут меня ранило. Немец бил из дальнобойных по нас. Когда первая партия группами прошла, он стал бить из крупнокалиберных и дальнобойных по этому месту. Хотел разбомбить, чтобы пропустить второй эшелон танков. Попадания были и по левому, и по правому флангу.

Правый фланг отошел, левый фланг отошел, мы остались одни на этом бугорке. Под пятым танком меня ранило. Получил три осколочных ранения и контузию. Меня направили в Павлов Посад в госпиталь. Когда меня привезли, я уже разговаривать стал, я спросил, где я был. Мне говорят, что ты был в санбате, был в дивизионном госпитале, а сейчас на эвакуации. Там меня мало продержали, на эвакуацию отправили³⁶.

³⁴ Сравним у А.Ю. Кривицкого: «Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, зажигали их бутылками с горючим. Уже четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя» («Красная звезда». 1942. 22 января).

³⁵ Правильно — Мустафа Сенгирбаев.

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Васильева Иллариона Романовича. Л. 3—4 об.

Шемякин Григорий Мелентьевич, Герой Советского Союза, один из участников боя 28 панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых, направил 24 октября 1942 г. в Москву, в Комиссию по истории Великой Отечественной войны, свою автобиографию, в которой, в частности, говорилось следующее:

«...В 1941 г. в июне 23 числа я был призван в Красную Армию. Меня призвали в 316 С.Д. 1075 полк 2-й батальон 5-я рота 1-й взвод 1-е отделение рядовым стрелком. Наша дивизия действовала на московском направлении. Когда был отдан приказ отбросить врага от Москвы, мы вели наступательные бои. Два раза были в окружении. В этих боях я истребил 57 фашистов. В декабре³⁷ месяце, я не помню какого числа, *наш взвод в количестве 28 чел. был в засаде, когда нависла опасность, т.е. на нас двигалось 50 фашистских танков. Командир наш приказал: ни шагу назад, за нами Москва!* Между фашистскими танками и нашим взводом завязался жестокий бой. Я сам лично забрасывал танки врага гранатами и бутылками с жидкостью. *В этом жестоком бою земля горела вместе с фашистскими танками. Мы в дружном бою не отступили, выполнили воинскую присягу и приказ своего командира. Танки от нас дальше не пошли.* Они были уничтожены нами. Сколько с нас осталось живых, я помнить не могу, ибо во время боя я был тяжело ранен в левую ногу. Общим я был без сознания.

В этом и заключается мой героический подвиг. С поля боя меня эвакуировали в Москву. С Москвы я попал в город Медногорск в госпиталь, там я пролежал 3 месяца<...>»³⁸.

Из стенограммы беседы с Шемякиным Григорием Мелентьевичем от 3 января 1947 г. Запись беседы сделана в г. Алма-Ате 3 января 1947 г. сотрудниками Комиссии Р.И. Голубевой и Э.Я. Пейсахзон.

«Вначале мы поехали на Ленинградский фронт, на станцию Крестцы. Оттуда нас перебросили под Москву.

Первый бой мы принимали у совхоза Булычево.

Немец все лезет. Мы объявились добровольцами, набрали гранаты, бутылки с горючей смесью и пошли на разъезд Дубосеково. Когда мы подошли, мы начали рыть себе окопы.

Когда мы в совхозе Булычево принимали бой, мы разбились наново. Я попал из 5-й роты в 4-ю. Тут говорят:

— Кто пойдет в качестве добровольцев истреблять танки?

Мы пошли. Из нашего района был Конкин Григорий³⁹. Мы были с ним все время. Конкин из совхоза Чапаева, я из совхоза Ворошилова. Мы с ним все время были вместе.

³⁷ Правильно — в ноябре.

³⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Шемякина Григория Мелентьевича. Л. 1.

³⁹ Конкин Г.Е. (1911—1941) — один из 28 героев-панфиловцев, погибших у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г.

Мы пошли добровольно. Набрали гранаты, бутылки, противотанковые ружья. Стали копать окопы.

Приезжает генерал Панфилов, говорит:

— Вам здесь не место, можете здесь разместиться.

Нас перевели к самому разъезду Дубосеково, метров за двести. Там выкопали окопы. Копать было трудно: земля была мерзлая.

Утром 16 ноября налетают немецкие самолеты, стали нас бомбить. Пробомбили — улетают. А мы остались целы. Смотрим — идет пехота, автоматчики, человек сто. Мы их подпустили к себе вплотную.

Сержант Добробабин подал сигнал свистом. Мы поняли, а немцы в этот момент опешили — откуда свист. Они считали, что после бомбежки никого нет. Мы открыли по ним огонь. Мы их человек 80 уложили, остальные убежали.

У нас были два пулемета, два противотанковых ружья, бутылки с жидкостью, гранаты и винтовки.

В этот момент подошел политрук Клочков. Поздоровался. Нас стало 29.

Когда пошло на нас 20 танков, один струсил. Мы его расстреляли. Осталось нас опять 28.

Тут командовал политрук Клочков. Он говорил:

— Не страшно. Немного танков идет: на каждого не хватает по танку, ничего, не страшно.

Когда мы стали драться, сбили 15 танков, 5 повернули обратно. Там был такой дым, что ничего не было видно.

Из противотанкового ружья я сбил два танка.

После того, как мы сбили 15 танков, а 5 танков повернули назад, на нас пошли еще 30 танков.

Политруку Клочкову говорят:

— Вы ошиблись: вы говорили, что не хватает по танку на брата, а сейчас больше, чем по два.

Он говорит:

— Ничего, не страшно. Велика Россия, но отступить некуда: позади Москва.

Вначале было страшно, но потом озверели так, что и страха не было. Когда дрались с последними танками, осталось танков 6 или 7. Два кинулись на меня. Я в первом успел перебить гусеницу, второй наступает на меня. Я забегаю в окоп. Танк перебегает через окоп. Когда танк перескочил через окоп, я выскочил из окопа, перебиваю гусеницу. Когда танк загорелся, откуда-то получился взрыв. Меня ударило в левую сторону, ногу перебило, я потерял сознание.

Очнулся в Москве.

Я помню только Гришу. Когда он кинул гранату в танк, в это время из дыма выскочил другой танк и раздавил его.

Там трудно было что-нибудь видеть. Смотришь только за собой.

Из остальных героев я знал Конкина, Митина, Добробабина, Васильева. Митина и Конкина я знал потому, что мы были в одном взводе. С Конкиным

мы из одного села, из соседних колхозов. Когда мы пошли в армию, мы все время были вместе.

В этом бою я был ранен и контужен. Меня подобрали и отправили в Москву. Из Москвы меня эвакуировали в Медногорск. Там я лежал до марта 1942 года...»⁴⁰.

Как видно из сопоставления рассказов Васильева и Шемякина с текстом статьи Кривицкого, события боя 16 ноября 1941 г. у Дубосеково описаны ими во многом на основе «официальной» версии журналиста Кривицкого. Кроме того, некоторые сообщаемые ими данные выглядят преувеличением собственных заслуг. Так, Васильев утверждает, что подбил в ходе боя противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью пять немецких танков, а Шемякин — четыре немецких танка. Получается, что только вдвоем они подбили половину танков, по официальной версии, уничтоженных группой из 28 бойцов.

А вот как рассказывали сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны о боях 16 ноября 1941 г. их однополчане — Балтабек Джетпысбаев (в ноябре 1941 г. помощник командира 5-й роты 2-го батальона), командир роты автоматчиков Малик Габдуллин, помощник начальника штаба 1075 -го стрелкового полка А.А. Ветков и комиссар полка А.Л. Мухамедьяров.

Из стенограммы беседы с Джетпысбаевым Балтабеком, 1907 г.р., казах по национальности, майор, командир 3-го батальона 1075-го полка. Беседу проводит Р.И. Голубева, стенографирует Э.Я. Пейсахзон в Алма-Ате 2 января 1947 г.

«...В ночь с 15 на 16 ноября сидели с Клочковым до 2-х часов ночи. Потом легли отдохнуть, готовиться к бою.

Моя рота стояла метрах в 500 от Клочкова. Клочков стоял со своей ротой у самой железной дороги, я стоял левее.

Малик Габдуллин командовал ротой автоматчиков.

С утра 16 ноября начали бой. К нам подошли 4 немецких танка. Два из них подбили, два вырвались. Два раза атака была. Атака была отбита.

Большинство танков пошло в район разъезда Дубосекова, где Клочков погиб. Мы видели: поворачиваются, и туда идут танки. Там шел бой.

Командиром 2-го батальона в это время был майор Решетников, комиссаром батальона был Трофимов. В этот день с утра до позднего вечера не могли прорваться немцы. Много самолетов бомбило наши позиции, танки и пехота.

Перед заходом солнца подбегает один боец связной:

— Клочков погиб, туда просят помощь.

У нас людей мало осталось. Много убитых и раненых. Мы впереди отбиваем атаки, сзади, прямо к нам идет немецкий танк. Танки обошли и появились сзади.

Я говорю:

---

⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 28. Л. 1 об—2 об.

— Метайте гранаты и бутылки горючей смеси, танки будем подбивать.

Но немцы голову поднять не дают, так стреляют. На танки посажены автоматчики. Из танков бьют пулеметы, и автоматы стреляют.

У нас окопы полного профиля.

Я взял одну гранату. Метров 10 до танка осталось. Нельзя голову поднять. Все равно убьет. Бросил гранату лежа. Танк продолжает идти. Я бросил вторую гранату. Получился взрыв.

Метров за 20 в окопе сидели бойцы, кричат:

— Танк горит.

Все подняли головы, начали стрелять. Я голову поднял. Открылся люк. Из люка хотел выскочить танкист. В другой танк бойцы тоже бросили гранаты. Второй танк тоже загорелся.

Автомат я потерял. Я взял винтовку убитого, выстрелил в танкиста, который хотел вылезть из люка танка. Убил его.

Это происходило днем 16 октября. У меня осталось 15 человек из 75-ти. Остальные были убиты и ранены. Два танка сожгли. Шли четыре танка. Два подбили, два повернули обратно.

Связной принес приказ оставить рубеж и отходить, но отходить нельзя было: немцы стреляют. Вылезли по одному из окопа. Перебежали, дальше ползком.

У меня за поясом пистолет и автомат. На опушку леса подполз с остальными людьми.

Вечером пришли в полк, доложили, сколько осталось, сколько убитых, раненых <...>⁴¹.

Из стенограммы беседы с Габдуллиным Маликом, 1915 г.р., казах по национальности, майор, Герой Советского Союза. Беседу проводит в Москве 15 февраля 1943 г. Р.И. Кроль, стенографирует О.А. Рослякова. В ноябре 1941 г. М. Габдуллин политрук и одновременно командир роты автоматчиков 1075-го стрелкового полка.

«<...> 5 ноября приказом командира полка я был назначен политруком роты автоматчиков. Командира роты не было. Все дело легло на меня — я и политрук, я и командир. Приказ гласил так: назначаю такого-то политруком роты и приказываю ему подобрать из всех батальонов бойцов для своей роты, а командирам батальонов приказываю выделить лучших бойцов из роты автоматчиков.

По приказу командира полка начал подбирать людей в роты автоматчиков.

На войне так бывает, если командиру отдан приказ послать людей в другие части, то он обязательно пошлет людей не первосортных, не лучших бойцов, лучших при себе постарается оставить, потому что на лучших опираемся.

Человек 50 с лишним набрал, после побеседовал с каждым в отдельности относительно его здоровья, относительно его самочувствия, провел маленькое собрание и сказал:

⁴¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 27. Л. 4—4 об.

— Автоматчики — это особый род войск. Автоматчиком может быть тот, кто может быстро ходить, кто решительный, кто смелый, кто храбрый, кто физически сильный, потому что автоматчику могут дать особо важные поручения, его могут послать в тыл противника, по флангам, по стыкам противника. Нам приходится больше всех работать. Это вы, — говорю, — знаете из опыта немецких автоматчиков, а мы должны быть лучше немецких автоматчиков. Кто себя считает достойным быть автоматчиком, прошу поднять руки.

Из всех 54 человек подняло 12. Я говорю, что приказным порядком я вас всех зачислять не имею право. Те, кто желает, давайте, остальных послал по подразделениям. 12 человек оставил, со мною было 13.

У нас было 8 автоматов, 4 самозарядных винтовки и одна винтовка. Я с ними начал заниматься, учил их стрелять из автомата. Мы имели к этому возможность, потому что наступление противника было отбито. Это было в начале ноября.

15-го ноября командир полка полковник Капров призвал меня и сказал так:

— Вы со своими автоматчиками идите в распоряжение командира 5-й стрелковой роты с задачей оказать им помощь. Если противник будет наступать, вы его танки пропустите, отсекайте пехоту от танков и по пехоте сосредоточьте огонь. Когда у вас положение будет тугое, можете самостоятельно отойти, но об этом поставьте в известность командира 5-й роты младшего лейтенанта Аникина.

Я с группой автоматчиков прибыл к нему. На местности мы уточнили обстановку. Его рота расположилась в районе д. Ширяево. Мне дали такой кусок обороны: на западе — Ширяево, на юго-восток — Морозово. В Ширяеве 5-я рота, в Морозове — противник. Морозово от Ширяева находится примерно в полутора километрах. От Морозова до Ширяева идет дорога, по сторонам дороги — открытая местность. Восточнее Ширяево в кустиках я занял оборону. Этот кустик находился от дороги на расстоянии 200-х метров. За кустиком открытая поляна на восток, которая идет до самого Ширяева. Около этих маленьких кустиков протекает ручеек. Здесь мы заняли оборону. Если пойдут танки, мы пропустим, если за танками последует пехота, то по пехоте мы можем с этого места открыть ураганный огонь. У каждого автоматчика было по два заряженных диска автомата.

16-го ноября 1941 г. немцы начали второе генеральное наступление на Москву. В этот день немцы начали наступать на Ширяево. В 8 часов в Морозове был слышен гул моторов. В 8.30 вышли 5 танков противника по направлению Ширяева. За ними шел батальон пехоты. Мы танки пропустили. Танки открыли огонь по Ширяеву, по той роте, которая там была. Вдруг бойцы говорят:

— Товарищ политрук, немцы идут!

— Подождите, пускай идут.

Когда немецкая пехота была на расстоянии 300 метров, я не разрешил открывать огонь. Когда немцы подошли на расстояние 150 метров, я даю команду — огонь! По движущейся пехоте противника мы открыли огонь из всего оружия, которое у нас было. Немцы бросились в панике. Мы выпустили по одному диску и уложили не менее ста немцев ранеными и убитыми. Они начали отходить. В это время один из офицеров в нашем направлении выпустил вверх

две ракеты. Как только ракета осветила, по этому кустарнику начала бить артиллерия и минометы. Еще одна ракета, и танки повернули в нашу сторону и начали бить тоже по этому кустарнику. В это время немецкая пехота приняла боевой порядок и начала ползком к нам подходить. Мы снова открываем огонь. Немцы быстро откатываются. Их было батальон, а нас всего 13 человек.

У нас троих легко ранило, у каждого осталось по 10—15 патронов. Положение критическое, очень критическое. Тут наступил психологический момент: во-первых, патронов мало, а у некоторых вышли совершенно, во-вторых, немцыжимают, артиллерия долбит, мы сидим, как на иголках. Танки бьют, бьют из минометов, пехота стреляет из всех видов оружия: из пулеметов, автоматов и т.д. Немцы, очевидно, думали, что в этом кустарнике находятся не 13 человек, а рота, в крайнем случае. Все бойцы смотрят на меня, что делать? Правда, не спрашивают, что делать, но у всех такой вид, у всех на лицах вопрос — что делать?

Я обдумал положение. Обойти со стороны Ширяева невозможно, потому что там стоят танки и там открытая местность, обойти на восток от этого кустарника тоже нельзя, потому что открытая местность. Если идти вперед — там немцы. Очень тяжелое положение создалось для нас: так погибать, и так погибать. Я говорю, что погибать нельзя, надо драться. Но как драться? Тут надо людей спасти и противнику надо какой-то урон нанести. Я командую: «Автоматчики за мной!» И по этому ручейку ползком на брюхе к Морозово, в тыл противника. Это было в 10 часов утра. Мы вышли в огороды Морозова, а немцы бьют по этому кустарнику. Смотрим, в Ширяеве⁴² две батареи минометные шестиствольные. Эти батареи по нас били. Я говорю:

— У кого патроны есть, открыть огонь по этой батарее!

Открыли. В батарее всех перебили. Неожиданно для нас появились автоматчики [противника]. Тут мы у них панику создали. По этой лошадке спустились вниз, где был густой лес, зашли в этот лес. У нас с собою продукты были, водка была с собою. Покушали. Выпили, пошли дальше. Со мною идут Коваленко — старший сержант и Леднев — старший сержант.

— Давайте пойдем в Ширяево, посмотрим, что там такое?

Пошли в деревню. Смотрим, там немцы бегают, а наша рота отошла.

— Давай найдем штаб полка и командиру полка доложим.

Приходим в штаб полка, где он раньше находился. Там немецкие танки. У них в землянке вещи остались, надо забрать вещи, но пришлось вещи оставить и уходить, при этом натолкнулись на артиллерийский ДОПШ. Вхожу в ДОПШ, забрал там боеприпасы, этим пополнили свои боеприпасы.

На третий день мы в одной деревне нашли своего командира полка и комиссара. Прихожу, докладываю:

— Товарищ комиссар полка, ваше приказание выполнил!

Он обрадовался, обнял меня.

— Как же ты, жив?

⁴² Правильно — в Морозово.

- Жив.
- Все живы?
- Все живы.
- Раненые есть?
- Трое раненых, но они встали в строй.
- Как же это так? Читай бумагу!

Комиссар полка дает мне бумагу.

В 5-й роте командиром роты был отсекар[етарь] комсомольского бюро Джетпис Баев⁴³. Они написали так: «Командиру полка донесение. 16-го ноября в 10 часов утра автоматчики наши во главе с политруком таким-то храбро дрались с немцами. Они уничтожили свыше 100 немцев. Были отрезаны пехотой и танками противника, но не могли выйти из окружения. По ним был открыт со стороны противника ураганный артиллерийский огонь. Танки стреляли, пехота стреляла, и они погибли в этом бою смертью храбрых».

Комиссар спрашивает:

- Как тебе это донесение нравится?
- Ну, чего, хорошее донесение, а вам как оно нравится?
- Ну, знаете, мы просто так вас всех жалели!

За это меня представили к награде, дали орден «Красной Звезды» <...>⁴⁴.

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го стрелкового полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 г. в г. Алма-Ате.

«...Во время боя в Дубосеково я был помощником начальника штаба полка. По условиям службы я обязан был находиться в войсках.

16 ноября наш полк стоял так: один батальон занимал высоту 251,0, рубеж от деревни Петелино, на самом левом фланге был сначала пулеметный взвод, который потом усилили, дав до полувзвода пехоты. Левее нас около трех километров не было никого, до следующей части. Этому значения не придавали, поскольку там было заболоченное место, лес, и это было как боевое охранение.

Мы с командиром 15 ноября были там в окопах, проверяли всю оборону до боя. Вечером, когда оттуда уезжали, там было 28 человек, командиром был Клочкив. Он возглавлял всю эту группу. Провел он там беседу. Когда мы с командиром полка уезжали, он стал проводить беседу. Мы перед этим слушали лекцию о втором фронте. Он начал проводить беседу о втором фронте. Комиссара полка Мухамедярова⁴⁵ вызвали в один из полевых госпиталей.

17 ноября вечером мы отошли после того, как 16 продержались. Рубеж, который защищали 28 панфиловцев, был оставлен ночью с 16-го на 17-е. Там был Натаров. Он рассказывал об этом бое.

⁴³ Правильно Джетпысбаев Балтабек, помощник командира 5-й роты.

⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Габдуллина Малика. Л. 8—9.

⁴⁵ Правильно — Мухамедяров Ахмеджан Латыпович.

У нас никто значения этому не придавал, может быть, неправильно, считали эпизодом, которых было много, как проявление героизма, которых было много.

Натаров был вынесен оттуда. Он рассказывал об этом бое и сказал, что все погибли, кроме меня⁴⁶. Когда подошли к ним на помощь человек пятьдесят, то там бой уже закончился, и немцы заняли первые окопы.

Наша часть начала атаку. Немецкая рота, которая там была, была выбита оттуда, но потом мы получили приказ оставить этот рубеж, отойти на следующий»⁴⁷.

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 г. на станции Перхушково.

«В середине ноября месяца они окончательно решили перейти в решительное наступление. Тут проявление массового героизма 28 героев панфиловцев. Эти 28 героев — особая группа, которая проявила исключительный героизм, но в эти самые дни было проявление героизма массового порядка и в других братских полках.

Про 28 героев я не хочу рассказывать, потому что это вам хорошо известно, могу рассказать о других товарищах, в частности о тов. Ключкове, политруке <...>.

За боевые подвиги, проявленные в первых боях под Волоколамском, представлен к правительственной награде орденом Красного знамени. И он был награжден орденом Красного знамени. О нем мы были очень хорошего мнения. Считали 4-ю роту самой надежной, такой ротой, которая могла нести службу на самых ответственных участках. Не спроста она была поставлена на разъезде Дубосеки⁴⁸, на левом фланге нашего полка <...>».

И далее: «Когда немцы повели наступление на участке второго батальона, в частности 4-й роты, они прорвать там не могли — двадцать восемь не пропустили. Тогда немцы взяли правее, повели наступление на 5-ю роту

⁴⁶ Здесь А.А. Ветков практически пересказывает упоминавшуюся выше статью Кривицкого «О 28 павших героях». Сравним с текстом статьи: «Все это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров — последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев. Он передал нам, живущим, их завещание».

По словам Кривицкого, о подробностях боя у разъезда Дубосеково он узнал от разысканного им в госпитале умиравшего Натарова. В 1970-е гг. А.Ю. Кривицкий так вспоминал о комиссии военной прокуратуры, которая в 1948 г. проводила пристрастное расследование подвига 28 панфиловцев: «Мне было прямо сказано, что если я откажусь признать, что описание боя у Дубосекова полностью выдумал я и что ни с кем из тяжелораненых или оставшихся в живых панфиловцев перед публикацией статьи не разговаривал, то в скором времени могу очутиться в районе Печоры или Колымы [то есть в ГУЛАГе. — ред.]. А оказаться там мне как-то не хотелось. Поняв, что дело принимает слишком опасный оборот, я «признал», что многое в моих публикациях о 28 героях представляет «литературный вымысел» <...>». См.: Куманев Г.А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2007. С. 140.

⁴⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Л. 2 об—3.

⁴⁸ Так в документе. Правильно — Дубосеково.

того же 2-го батальона. Наступление повели танками, автоматчики сидели на танках. 5-я рота приняла на себя всю тяжесть этого боя. Дралась стойко. Не было ни одного случая ухода с боя. Танки зашли на оборонительный участок этой роты и начали ходить по траншеям, просто давить своими гусеницами бойцов и командиров, и не только давить гусеницами, но обливать какой-то горючей жидкостью, от которой все моментально воспламенялось. Бойцы дрогнули, некоторые стали проявлять трусость, тогда политрук Вихрев⁴⁹ вмешался в это дело, обеспечил стойкость. Когда образовался прорыв на самом правом фланге роты, он побежал туда. Отбивались гранатами и бутылками с «кс» до последнего человека. Был такой момент. Немецкий танк шел прямо на него. Когда он был метрах в 10—15, то боец, который остался с Вихревым, поднял руки, хотел сдаться немцам в плен. Будучи тяжело раненым, Вихрев набрался мужества и пристрелил этого бойца-изменника, а сам с гранатой и бутылкой бросился под танк, который шел на него. Танк взорвался⁵⁰.

За это проявление героизма мы представили Вихрева к званию героя Советского Союза посмертно. Он погиб, но опять-таки немецкие танки на этом участке не прошли. Немцы потеряли больше десяти танков, которые напирали на эту роту, и вынуждены были отойти»⁵¹.

Довольно подробно о событиях 16—17 ноября рассказывают бойцы и политработники соседнего 1073-го полка.

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил А.А. Бек, стенографировала Уфлянд.

«Наша дивизия, согласно разработанному плану, должна была наступать. Мы знали наличие сил противника. Против нас сконцентрировалось 6 дивизий. Противник воспользовался нашей медлительностью и упредил нас. Вместо нашего наступления противник большим количеством танков сам начал наступать, прорвался через 75-й полк, который был на левом фланге, оставил 6 танков, подбитые 1-м батальоном»⁵².

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил А.А. Бек, стенографировала Уфлянд.

«16/XI немцы возобновили наступление и 17/XI прорвались из Волоколамска на Дубосеково, где стояла 4-я рота 75 полка, и где колонне танков пре-

⁴⁹ Вихрев П.Б. (1909—1941) — политрук, военный комиссар 6-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка. 16 ноября 1941 г. в районе д. Петелино с группой бойцов вел ожесточенный бой против наступающих немецких танков. В ходе боя, оставшись один в живых, чтобы избежать немецкого плена, застрелился. Посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. Вихреву П.Б. было присвоено звание Героя Советского Союза.

⁵⁰ На самом деле Вихрев застрелился, не желая сдаваться в плен.

⁵¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Д. 18. Л. 3об—4 об.

⁵² Там же. Д. 1. Л. 8.

градилась путь горстка храбрецов в 28 человек, стойко отражавшая атаку 50-ти немецких танков (Подвиг 28).

К 16/ХІ положение было таково. 2-й батальон обороняет Ядрово, 3-й батальон вовсе не существует, остатки его влились в 2-й батальон, так как большая часть погибла в боях за Волоколамск и на подступах к городу. 1-й батальон, находясь в резерве дивизии, обороняет ст. Матренино, Горюны, 2-я стрелковая рота находится в районе отметки 231,5.

Немцы в количестве 30 танков в районе Дубосеково прорывают оборону 75 полка и выходят на Ядрово, прямо к лесу по направлению к штабу полка. Мы принимаем короткий, непосильный бой и небольшая группа штабных работников и приштабных подразделений»⁵³.

А теперь, чтобы проверить достоверность информации, содержащейся в приведенных выше стенограммах бесед с панфиловцами, обратимся к боевым донесениям и оперативным документам 316-й стрелковой дивизии и 16-й армии Западного фронта.

Политдонесение начальника политотдела 316-й стрелковой дивизии батальонного комиссара Галушко⁵⁴ начальнику политотдела 16-й армии полковому комиссару Масленову. Село Гусенево 17.11.41 г.

«15.11.41 г. вечером был получен боевой приказ о наступлении частей 316 СД. Все работники политотдела выехали в части, для мобилизации всего личного состава на выполнение боевого приказа.

Во всех частях 316 СД 15.11.41 г. вечером были проведены партийно-комсомольские собрания по ротам с вопросом: задачи коммунистов и комсомольцев в наступлении, провели совещания политработников части с вопросом: о задачах предстоящего наступления, в окопах со всеми бойцами были проведены беседы, всей работой руководили комиссары частей и работники политотдела, выехавшие в части.

Настроение личного состава частей после проведенной работы было исключительно боевое, люди рвались в бой, с нетерпением ждали наступления.

16.11.41 года утром в 8.00 противник раньше нас начал наступление на левом фланге нашей обороны в районе 1075 СП. Несмотря на исключительное мужество и героизм, который был проявлен личным составом 1075 СП, все же задержать наступление пр-ка в этом районе не удалось, противник занял Нелидово, Н. Никольское, вышел на Московское шоссе, занял Ядрово и Рождествено.

Противник наступал в количестве 50—60 танков тяжелых и средних и довольно большое количество пехоты и автоматчиков.

1075 СП в борьбе против такого количества танков имел 2 взвода П.Т.Р. и одну противотанковую пушку. Эффективность действия П.Т.Р. против тяжелых танков пр-ка невысокая, потому что задержать движение танков пр-ка не

⁵³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 3. Л. 5.

⁵⁴ Политдонесение подписано за Галушко другим лицом — подпись неразборчива.

удалось, также нет сведений о том, какое количество танков пр-ка П.Т.Р. вывел из строя.

1075 СП понес большие потери, 2 роты потеряны полностью, данные о потерях уточняются, сообщим в следующем донесении.

1075 СП дрался до последней возможности, командование полка оставило командный пункт только тогда, когда в расположении командного пункта появились танки пр-ка, атака танков пр-ка на Шишкино была дважды отбита, и наступление пр-ка приостановлено, танки пр-ка 17.11.41г. утром направились на Голубцово. По неуточненным данным в районе 1075 СП подбито не меньше 9 танков пр-ка.

1073 полк в результате наступления оказался разрезанным на две части, 2-й батальон отошел в расположение 690 СП. 1-й батальон остался в районе Горюны.

В ночь с 16 на 17 690 и 1077 СП занимают прежние районы обороны.

Были приняты самые решительные меры к тому, чтобы не допустить беспорядочного отхода и ухода бойцов с позиций, для чего своевременно были выставлены группы заградотряда. И с самого начала беспорядочный отход крцев был приостановлен.

Люди отходили организованно, а отдельные группы, пытавшиеся уйти подальше в тыл, были задержаны заградотрядом и направлены в свои части для занятия обороны»⁵⁵.

Если мы сопоставим это политдонесение со статьей Г. Иванова, в которой впервые было сообщено о героических действиях одной из рот полка Капрова, то мы увидим, что, скорее всего, основой для его публикации в газете «Известия» стали сведения, изложенные в этом политдонесении. Совпадают данные о 60 танках противника, 9 из которых были подбиты, и характеристика боя («наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь», «во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота», «подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами»).

В Научном архиве ИРИ РАН находятся копии оперативных документов штаба 16-й армии, которые были сделаны сотрудниками архива Министер-

---

⁵⁵ Сегодня это политдонесение (копия из ЦАМО) находится в одной из витрин музея панфиловцев в с. Нелидово. Интересно отметить, что о деятельности упомянутого в источнике заградотряда А.А. Бек так написал в своей книге «Волоколамское шоссе»: «Прошел небольшой отряд в строю — не поймешь, рота или взвод, — с командиром впереди. И опять в беспорядке тянутся отбившиеся от своих подразделений истомленные, вымотанные люди.

Вот кто-то повстречал, узнал однополчанина.

— Николай, ты?! А наши где?

Спрошенный махнул рукой. Жест сказал: пропали!

Я смотрел не отрываясь. Знал, что в нескольких километрах позади, в селе Покровском, развернут заградительный пункт — об этом сообщил мне Панфилов, — где уже останавливают, собирают, приводят в порядок бредущих бойцов <...>» (Бек А.А. Указ. соч. С. 500).

В отличие от других подразделений, 316-я СД выполнила приказ Ставки об организации заградотрядов от 5 сентября 1941 г. 24 сентября 1941 г. заградотряд составлял 300 человек, но к 18 ноября он был сокращен до 150 человек.

ства обороны СССР после их рассекречивания в 1954 году для Института истории АН СССР. Приведем выдержки из некоторых документов.

Из боевого донесения № 22 начальника штаба 316-й стрелковой дивизии в штаб 16-й армии. Положение на 13.00 16 ноября 1941 г.: «1. Пр[отивни]к к 8.00 16.11. на левом фланге 316 СД повел наступление Ширяево, Петелино. К 10.00 овладел Нелидово, Петелино. В 11.00 овладел Бол. Никольское. В 11.30 пр[отивни]к оставил 5 танков в Бол. Никольское и роту пехоты, ведет наступление в р-не выс. 251,0 <...> 2. 316 СД в 13.00 16.11. на левом фланге ведет бой <...> 1075 СП — ведет бой на участке отм. 251,0. В 11.30 пр[отивни]к оставил Петелино, направив свои танки на Волоколамск и Ширяево. Авиацией бомбил КП командира полка. Потери и трофеи уточняются <...>».

Затем 16 ноября 1941 г. в 23 часа 16 минут начальнику штаба Западного фронта сообщали из штаба 16-й армии о ходе боя в полосе 316-й дивизии:

«...2) До пехотного полка с 24 танками противник перешел в наступление в стыке 316 СД и Доватора.

В 14.00 отбросили левый фланг 316 СД и вышли рубеж Ядрово, ст. Матренино, высота 231,5, на участке Доватора противник овладел Ширяево, Иванцево. Попытки овладеть Данилково и Сычи — отбиты...».

В 4 часа 25 минут 17 ноября из 16-й армии (командующий К.К. Рокоссовский) в штаб Западного фронта (командующий Г.К. Жуков) была направлена подробная **оперсводка № 50, которая отражала ситуацию к 17 часам 16 ноября**. В ней, в частности, сообщалось:

«1. Части армии в ночь с 15 на 16.11.41. произвели перегруппировку и в 10.00 16.11.41. перешли в общее наступление с задачей уничтожить Волоколамскую группировку противника (106, 25 ПД и 2 ТД) и овладеть рубежом Волоколамск, ст. Волоколамск.

Противник оказывает упорное сопротивление, ведя пулеметно-минометный и арт. огонь по боевым порядкам наступающих частей. Одновременно свыше двух полков пехоты противника с танками перешли в наступление в стык между 316 СД и Кав. группой Доватора <...>

7. 316 СД с 9.00 левофланговым 1075 СП ведет упорный бой.

Противник силою до ПП⁵⁶ с танками при поддержке бомбардировочной авиации 9.00 перешел в наступление и к 17.00 овладел рубежом Мыканино, Горюны, Матренино;

Группа автоматчиков прорвалась — Шишкино <...>».

В 1948 г. бывший командир 1075-го полка И.В. Капров так рассказывал следователям прокуратуры об обстоятельствах памятного боя 16 ноября 1941 г.: «С раннего утра 16 ноября немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мел-

---

⁵⁶ Полка пехоты.

кие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10—12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5—6 немецких танков, и немцы отошли <...>. И далее: «Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т.к. этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40—45 мин. танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался через железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков <...>»⁵⁷.

Когда писатель А.А. Бек в марте 1942 г. находился в панфиловской дивизии и занимался сбором материалов для своей книги, он просматривал также и подшивку дивизионной газеты «За Родину». Вот какая запись была сделана им 30 марта 1942 г. на основе газетных данных в записной книжке: «В жесточ[айших] боях у села Н[елидово] бойцы и командиры т. Капрова подбили 8 танков»⁵⁸.

Позже Бек записал для себя следующее:

«Логвин[енко] признавал героями только мертвых.

(нрзб). «Ах, почему я не погиб?» Это врезалось.

Смерть и жизнь в бою это случайное явл.

До сих пор это блесит и царств., бл[агодаря] нашим редакторам.

Живыми у нас пренебрегают. В 10 раз больше (сделал), чем убитый, тебя не признавали.

Из нагр[ажденных] всего 6 чел. жив., 46 мерт. Вся кор[респондентская] и писат[ельская] масса заражена этим политиканством.

Дали герою погибнуть. Погибшему герою прип[исали] то, чего не было. Этим оскорбили боевой коллектив. Дали ему погибнуть.

Боевая артель — выручили. Если герой погиб, печатают, жив — не печатают. Приписывают даже убитым то, что не было.

⁵⁷ Цит. по: Катусев А.Ф. Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 73—74. Впервые фрагменты из следственного дела И.Е. Добробабина, в котором имеются показания бывшего командира 1075-го полка И.В. Капрова, а также военных корреспондентов В. Чернышева, В. Коротеева, литературного секретаря газеты «Красная звезда» А. Кривицкого и редактора этой газеты Д. Ортенберга, которые они давали по этому делу в ходе следствия в 1948 г., были опубликованы в статье сотрудника Главной военной прокуратуры СССР генерал-лейтенанта юстиции А.Ф. Катусева «Чужая слава» (Военно-исторический журнал. 1990. № 8—9).

⁵⁸ По всей видимости, это строчка из передовицы или статьи из дивизионной газеты «За Родину» за ноябрь—декабрь 1941 г. См.: XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 171.

28 брошены на произвол судьбы. По мне 200 чел. Кому это делает честь? Все заражены этим. Оказывает ли это услугу? Оказывает, но медвежью.

Отвага призн[ается] независимо от того живой или мертвый <...>

Если тебя убили — это не твоя заслуга. Это заслуга немца <...>

Награды заслуживает лишь тот, кто выполнил с отличием, независимо ранен, убит.

А смотреть с отличием или без отличия.

Неуравновешенные люди шарахаются из стороны в сторону.

Это писал не я. Писала жизнь. Я сам нахожу там новое <...>⁵⁹.

На наш взгляд, приведенные в этой записи Бека наблюдения и факты в большинстве своем соответствуют тому, о чем рассказывали оставшиеся в живых панфиловцы, когда давали интервью сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

А теперь обратимся к статье канадского историка Александра Статиева «Гвардия умирает, но не сдается!». Еще раз о 28 панфиловских героях», которая была опубликована в 2012 г. в американском журнале «Критика»⁶⁰. В ней автор впервые приводит документы 2-й немецкой танковой дивизии, которая вела наступательные бои против 316-й Панфиловской дивизии в ноябре 1941 г.

16 ноября, за два дня до начала генерального наступления, 2-я танковая дивизия 46-го танкового корпуса должна была начать «небольшое наступление» тремя боевыми группами, чтобы обеспечить хорошие позиции для наступления 5-го армейского корпуса. В своем составе 2-я танковая дивизия имела один танковый полк, состоявший из двух батальонов. Предположительно в них имелся почти полный комплект из 90 танков (по 45 танков в батальоне)⁶¹. Позиции 1075-го стрелкового полка панфиловцев проходили вдоль

⁵⁹ XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 201.

Бек А.А. Из записных книжек. Запись сделана 30 марта 1942 г.:

5 дек.

Семнадцать бесстрашных, опять люди против танков. Из части Логвиненко.

20 дек.

Капровцы

Капитан Манаенко, лейтенанты Какулия и Медведев, политрук Клочков
Артиллеристы Краснова» (Там же. С. 171).

Важно отметить и такой примечательный факт: в дивизионной газете ни в ноябре, ни в декабре 1941 г. не писали о бое 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, в отличие, например, от подвига «17 бесстрашных», о котором было написано в номере за 5 декабря. Впервые о гибели политрука В. Клочкова написал комиссар 1075-го полка Клык в номере за 20 декабря 1941 г.

⁶⁰ См.: *Statiev A.* «La Garde meurt mais ne se rend pas!» Once Again on the 28 Panfilov Heroes / *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, 4 (Fall 2012): 769—798. Перевод с английского Д.Д. Лотаревой.

⁶¹ XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 773. В период между 5 и 8 декабря 1941 г. 2-я танковая дивизия имела на ходу 52 исправных танка, что составляло 60% от комплекта. Это означает, что полный боекомплект должен был насчитывать 90 танков.

фронта в 12 км от Волоколамского шоссе через д. Нелидово и ст. Дубосеково до деревни Ширяево.

16 ноября 1941 г. 1-я боевая группа немцев в составе танкового батальона, пехоты и артиллерийских подразделений должна была пробиться через левый фланг 1075-го стрелкового полка. 2-я боевая группа должна была прорвать центр того же полка, а в задачу 3-й группы входило развитие прорыва первых двух групп⁶².

Подробных докладов о боевых действиях за 16 ноября в немецких документах нет, а есть более поздние, но и в них не говорится специально о бое у Дубосеково. По мнению канадского историка, это доказывает, что немецкие командиры не выделяли этот бой среди других. Вот как выглядел бой 16 ноября с точки зрения немецких военных документов. Наступление на позиции панфиловцев началось ранним утром и было для них неожиданным. 2-й боевой группе удалось прорваться через центр 1075-го стрелкового полка в Нелидово в течение часа после начала атаки. Более сильная по сравнению с ней 1-я группа немцев встретила с ожесточенным сопротивлением севернее Дубосеково — Ширяево (позиции 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, в одной из рот которого им противостояли 28 панфиловцев). Однако описание этого боевого эпизода во всех немецких документах ограничивается тремя словами: «ожесточенное сопротивление врага»⁶³. Тем не менее, как говорилось в немецких сводках, советское сопротивление было сломлено, и обе боевые группы достигли намеченных рубежей.

По мнению автора статьи, документы 2-й танковой дивизии вермахта показывают, что бой за Дубосеково был «обычным», ничем особо не примечательным⁶⁴.

Но в последующие после 16 ноября дни тональность сводок и отношение к противнику заметно меняется. Остатки 1075-го стрелкового полка отступили к Шишкино, получив на усиление 6 танков. На следующий день, 17 ноября, их позиции оказались неприступными, и 1-я боевая группа немцев с 17 танками безуспешно атаковала советские позиции. То же самое произошло с атакой на позиции соседнего 1073-го стрелкового полка, стоявшего насмерть⁶⁵. По мнению канадского историка, немцы были гораздо более впечатлены действиями 316-й стрелковой дивизии Панфилова между 17 и 23 ноября, чем 16 ноября. По подсчетам А. Статиева, к 20 ноября в 1075-м стрелковом полку осталось в строю только около 120 человек⁶⁶.

Сопоставляя сведения немецких источников с документами Красной армии и интервью с панфиловцами, можно получить более подробную картину боя 16 ноября на левом фланге обороны 1075-го полка. Часть немецких танков вышла из деревни Морозово и направилась в сторону Ширяева. Получив отпор, они вынуждены были повернуть в сторону Дубосеково, на позиции 4-й

⁶² XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 775.

⁶³ Там же. С. 776.

⁶⁴ Там же. С. 777.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 779.

роты. Сюда же устремилась и еще часть немецких танков из 1-й боевой группы со стороны деревень Красиково и Жданово. В районе Ширяево — Дубосеково атакующие немецкие танки 2-й танковой дивизии встретили ожесточенное сопротивление со стороны 4-й и 5-й рот 1075-го стрелкового полка. Тем не менее, и здесь оборона 1075-го стрелкового полка в тот день была прорвана.

Героизм, который проявили 16—17 ноября и в последующие дни все полки 316-й стрелковой дивизии Панфилова, подтверждают все источники. Наряду с подвигом 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково в стенограммах рассказывается о многих случаях героизма, достойных памяти потомков. Например, о подвиге 17 бойцов 2-го батальона 1073 сп во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым, которые ценой собственной жизни остановили продвижение немецких танков в районе д. Мыканино. Это позволило остальным подразделениям оторваться от противника. Или о подвиге 11 саперов из 1077-го стрелкового полка дивизии Панфилова в районе села Строково.

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го стрелкового полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 г. в г. Алма-Ате.

«Этот день 16 ноября мы вообще считаем днем, когда дивизия утвердила свои традиции, свою боевую славу. Кроме этих двадцати восьми, был подвиг семнадцати саперов, подвиг одиннадцати.

В этот день все три полка дивизии, в том числе и артиллерийский полк, проводили бои, и, несмотря на то, что нам пришлось с этого рубежа отойти, однако надо считать, что это был один из знаменательных дней для нашей дивизии <....>⁶⁷.

Вот как вспоминали о подвиге семнадцати в селе Мыканино⁶⁸.

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем, гвардии подполковником, комиссаром 1073-го полка, позднее начальником политотдела 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 26—27 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«О дивизии судили по подвигу 28 героев.

⁶⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Л. 3.

⁶⁸ Интересно отметить, что подвиг «17 бесстрашных» нашел свое отражение и в книге А.А. Бека «Волоколамское шоссе». В четвертой повести в главе «Секрет чистого бритья» лейтенант Угрюмов, командир отряда истребителей танков, по распоряжению генерала Панфилова направлен в Ядрово к майору Юрасову. Вечером 17 ноября, находясь в штабе у Панфилова в деревне Шишкино, Момыш-Улы узнает о гибели Угрюмова и его отряда.

«— Помните, товарищ Момыш-Улы, лейтенанта Угрюмова?»

Я кратко ответил:

— Да <...>

— Погиб... А политрука Георгиева знавали? Тоже погиб. Почти весь этот маленький отрядец сложил головы. Но не пропустил танков. Девять машин подорвали, остальные ушли» (Бек А.А. Указ. соч. С. 487). Вместе с тем следует отметить тот немаловажный факт, что ни разу в книге «Волоколамское шоссе» писатель не упоминает о бое 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, уничтоживших 18 немецких танков.

Я опубликовал статью в «Красной звезде»⁶⁹ и доказал, что дело не только в 28.

Тот эпизод, к которому мы подходим, и есть показатель, что в дивизии не было подразделения, которое бы чем-то не отличилось по своему мужеству и стойкости. В одинаковой степени стойко все дрались...

28 героев вели бой в Дубосеково. Тут фактически не 28, а вели бой 3 роты, из которых выделались 28.

В районе села Мыканино действовала группа истребителей танков во главе с политруком Георгиевым. Был придан этой группе командир взвода Горюнов⁷⁰. Здесь произошел этот эпизод <...>.

Когда сосредоточились в районе Мыканино, снова начался бой. В этом районе группа истребителей во главе с Георгиевым, Горюновым вступила в бой с танками. Тут тоже было много танков, и они часть подбили. Во всяком случае, остановили танки. Танки нас не преследовали.

Когда эту группу инструктировали, а мне лично пришлось ее инструктировать, им было сказано, что они должны держать район моста, умереть, но танков не пропустить через мост.

Перед тем, как эта группа в 17 человек была выстроена в лесу, им был отдан приказ держать бой, переданы все гранаты, которые у нас имелись.

Когда мы с ними закончили беседу, они подтвердили, что умрут, но с поля боя не уйдут.

Я имел такую привычку: я всегда с бойцами целовался, провожая их в бой. Я с ними попрощался, потом выступает Георгиев и говорит:

— Товарищ комиссар, разрешите передать вам партбилет. Может быть, я там погибну. Я бы хотел, чтобы мой партбилет никто не топтал.

Я этот партбилет взял, подержал в руках, посмотрел, развернул, потом показал бойцам, потом взял билет и говорю:

— Вот, товарищи, большевистский документ. Брать у вас его не буду. Идите с ним вместе и защищайте родину.

Вручил ему этот партбилет, и они отправились, а через два часа истребитель Карпов мне этот партбилет приносит. Я его сохранил. Долго я его в дивизии держал. Всем, кто от меня получал партбилет, я его показывал.

У меня был партбилет Панфилова и этот партбилет Георгиева и партбилет Никулина. Эти три партийных документа вместе лежали на столе, когда я вручал партийные документы. Кроме того, лежала медаль, старая гвардейская медаль. Мы ее нашли под землей, два метра в земле, когда траншею копали, первая русская гвардейская медаль, выданная гвардейской части в день столетия со дня формирования первой гвардейской русской части.

Эти четыре реликвии дивизии всегда находились при мне. Я их показывал бойцам, проводил беседы вокруг них.

⁶⁹ См.: статья П.В. Логвиненко «Традиции 28 героев (Из дневника политработника)», опубликована в газете «Красная звезда» от 27 августа 1942 г.

⁷⁰ Правильно — Угрюмов.

Когда я вручал партийные документы, каждый брал в руки, записывал номер, особенно партбилета Панфилова. Это были священные реликвии в дивизии, в них чтители память погибших героев.

Когда группа истребителей вела бой, причем очень долго вела бой, Георгиев бросил несколько гранат, подорвал два танка. Потом уже не было противотанковых гранат. Он взял связку пехотных гранат, 4 штуки, на близкое расстояние подполз к танку, хотел бросить. Когда встал, ему прямо в грудь выстрелили.

Товарищам я сказал: если он погибнет, билет должны вернуть. Они принесли мне его планшет с билетом.

Утром, когда эта группа истребителей танков почти вся погибла и когда уже держаться дальше нельзя было, я по телефону связался с генералом. Он дал приказ: «Если нет возможности, то перейдите на другой рубеж, снова соберите людей и держитесь».

Мы фактически находились в окружении утром, прорвались в лесу, в одном месте между деревьями, вышли и заняли позицию в другом районе»⁷¹.

Из стенограммы беседы с Мельниковым Леонидом Евгеньевичем, одним из участников подвига 17, который остался в живых. В 1942 г. — комендант штаба 1073-го полка. Запись беседы сделана 6 октября 1942 г. А.А. Беком, стенографировала Уфлянд.

«Комиссар Логвиненко приказал нашей разведке и истребительному отряду пойти в с. Мыканино разведать точно силы противника: сколько танков, сколько живой силы.

Нами было обнаружено около десяти немецких танков и больше батальона немцев.

В 4 часа утра 17/X⁷² был приказ командира и комиссара полка занять оборону под Мыканино, а в 5 час. утра противник перешел в наступление.

Наш истребительный отряд залег в овраге, по дороге на мост, к которому двигались немецкие танки. Они двигались по бугру из Мыканино к мосту, на поляну, стараясь пройти во внутрь нашей обороны.

Танки продвигались к мосту и тут были встречены истребительным нашим отрядом, который залег в овраге.

Первый танк был подбит нашей гранатой, вслед за ним подбит и второй танк.

Группа немецких автоматчиков, которая двигалась за танками, была уничтожена преимущественно из моего автомата. Их было около 70 человек.

В это время из нашего строя выбыл командир истребительного отряда Угрюмов (убит), помкомвзвода Кравченко, командир отделения Миндубаев, ком. отделения Гороненко ранены и еще 13 бойцов были убиты. В разгар боя нас оставалось только три человека — комиссар истребит. отряда Георгиев, боец Галиев и я (Мельников). Георгиев приказал — с поста не уходить — таков приказ Сталина.

⁷¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 26. Л. 17 об, 18—20.

⁷² Так в документе.

Мы собрали гранаты с убитых товарищей и приняли бой с 12 танками, которые направлялись мимо нас к мосту.

За это время мы продвинулись ближе к бугру, повыше. Комиссар приказал взять в руки по гранате и одним броском попасть под танк.

В ту минуту, когда мы приготовились бросить гранаты под танки, встав на колени, прямой наводкой с немецкого танка убило комиссара. Мы остались вдвоем с Галиевым.

Нам удалось подбить еще два танка, бутылкой зажгли еще один, а остальные повернули назад.

Я дал Галиеву приказание — расследовать путь нашего отступления. Он пришел и доложил, что есть выход овражком через речку в нашу часть. Я сидел и наблюдал за отходящими танками.

Тем временем я собрал партийные и другие документы Угрюмова и Георгиева и вместе с Галиевым отошли по оврагу, нашли свою часть. На моем «счете» было три подбитых танка и два совместных.

В историю полка этот случай вошел под названием «подвиг семнадцати».

Я доложил комиссару, что проделано нашим истребительным отрядом, доложил и о понесенных потерях и вручил комиссару документы погибших партийцев.

Комиссар Логвиненко обнял меня, поцеловал. Он сказал:

— Молодец! Задача выполнена честно.

После этого боя меня комиссар назначил своим связным для выполнения заданий комиссара»⁷³.

Из стенограммы беседы с Амбаловым Петром Михайловичем, гвардии капитаном, комиссаром батальона 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил Бек А.А., стенографировала Уфлянд.

«Немцы прорвали левый фланг, где стоял 75 полк, и в окружную вышел с 34 танками на командный пункт полка, обогнув Ядрово, а другая колонна танков прорвалась к Ядрово <...>.

И тут появились 17 бесстрашных истребителей танков. Логвиненко ставит задачу: прикрыть дорогу, чтобы танки не прошли. У бойцов были противотанковые гранаты и винтовки. И когда танки появились на дороге, бойцы изничтожили много танков, и почти все погибли. Оставшиеся танки бросились в бегство. Комиссар истребительного отряда, политрук Георгиев, командир истребительного отряда Угрюмов погибли геройской смертью. Погибли геройской смертью, но танки противника в район Матренино⁷⁴ не прошли»⁷⁵.

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил Бек А.А., стенографировала Уфлянд.

⁷³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 6. Л. 3—5.

⁷⁴ Правильно — Мыканино.

⁷⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 5. Л. 8 об—9.

«17/XI идут упорные бои в разных местах, отдельные группы героически дерутся. В частности, на этом участке вели бой «17 бесстрашных», так они названы в «Истории» нашего полка. Эти семнадцать во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым ведут отчаянный бой в Мыканино, бой против 20 танков противника. Подбив 4 танка, они задержали дальнейшее продвижение танков, и тем самым дали возможность 2-му батальону и 690 полку (этот полк другой части, находившийся с нами по соседству) выйти на соединение со своими частями. Из 17 героев остались двое живых. Остальные героически погибли»⁷⁶.

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном 1073-го полка. Беседа осенью 1942 г. проводил Бек А.А., стенографировала Уфлянд.

«В тот момент, когда я дал несколько позывных выстрелов, стоя на взгорбке, в это время происходил бой с танками. 17 бесстрашных героев сдерживали натиск 14 танков в селе Мыканино, одним из 17 и был наш Мельников, комендант нашего полка теперь...

...Танки двигались на Шишкино. Их было 14. Надо было задержать их во что бы то ни стало. И комиссар полка тов. Логвиненко дал приказ:

— Задержать танки во что бы то ни стало! — Этот приказ он передал комиссару истребительного батальона Георгиеву.

Тогда Георгиев вместе с 16 бойцами-истребителями танков заявил:

— Танки не пройдут!..

И танки не прошли.

Танки двумя волнами кидались на горсточку храбрецов. Но храбрецы подорвали 4 танка, уничтожили до 40 автоматчиков. И тогда остальные танки повернули обратно.

Немцы, видя, что смельчаков не взять танками, открыли шквальный огонь из пулеметов и орудий. Но дело было сделано. Танки не прошли.

690 полк и наш 1073 к этому времени вышли из окружения. Смелчаки задержали танки и не дали возможности танкам перерезать дорогу, создав, таким образом, нашим полкам возможность выйти из окружения.

Из 17 смельчаков раненых оказалось трое, один остался жив. Остальные погибли. Комиссар Георгиев был убит снарядом в грудь в тот момент, когда он приготовился бросить под танк гранату. Также погиб командир отряда лейтенант Угрюмов»⁷⁷.

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 г. на станции Перхушково.

«Был случай на другом участке. По самому Волоколамскому шоссе стояла рота тогда 273 с.п.⁷⁸ На эту роту немцы повели наступление с танками. Немцы хотели во что бы то ни стало прорвать нашу оборону на этом участке расположения этой

⁷⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 3. Л. 8.

⁷⁷ Там же. Д. 1. Л. 11—12.

⁷⁸ До присвоения гвардейского звания — 1075-й стрелковый полк.

роты. Рота во главе с политруком решила обороняться, не пропускать немцев. Рота отбивала атаки противника. Дело дошло до того, что осталось 17 человек <...>⁷⁹.

А вот как панфиловцы рассказывали о подвиге одиннадцати саперов в селе Строково.

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем, гвардии подполковником, комиссаром 1073-го полка, позднее начальником политотдела 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 26—27 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«В это время в 1077-м полку тоже шел бой с танками. Все это в один и тот же день. Бой шел день и ночь, фактически сутки. Командир полка Шехтман, комиссар Мухамедьяров⁸⁰.

Что произошло в этом бою, мы узнали только через год, потому что люди, которые дрались с танками, все погибли, и никто из них не вернулся.

Оказывается, в районе Строково был оставлен заслон из 11 саперов во главе с политруком Павловым и командиром взвода⁸¹...

Через год произошло следующее. По этому пути двигалась бригада наших войск. Весна, начал оттаивать снег. В одном окопе всплыли наверх трупы. Там стояла⁸². Они открыли блиндаж и обнаружили 10 трупов. Они начали расспрашивать население, кто был здесь. Они сказали, что была 316-я дивизия. Население сохранило документы Павлова. Рассказывали, что они вели бой с танками, несколько танков подбили. Подбитые танки не могли дальше двигаться. Вся группа была уничтожена. Командир взвода был ранен и попал раненый в руки немцев. Они бросили его под танк и на глазах у населения растоптали его. Население собрало все трупы и спрятало в траншее. Все 11 саперов посмертно награждены орденом Ленина.

В дивизионной газете есть описание и фамилии колхозников, которые об этом знали и сохранили документы политрука Павлова. В селе Строково до сих пор есть колхозники, которые этот эпизод знают⁸³.

Из стенограммы беседы с Кургановым Леонидом Николаевичем, гвардии майором. В июле-декабре 1941 г. секретарь партбюро 1077-го (30-го) полка, с января по июль 1942 г. комиссар этого же полка, с июля 1942 г. по июль 1943 г. секретарь парткомиссии 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«Возьмем в 30 полку⁸⁴ группу саперов из 11 человек во главе с коммунистом Криворучко, командиром роты, командиром взвода Фирсовым⁸⁵. Эта группа в тот же день, когда 28 героев защищали один из рубежей под Москвой, не установлено точно, сколько на них напало танков, но совершенно очевидно, что это было несколько десятков танков. Все эти 11 саперов, до единого, погибли, проявив исключительный героизм и мужество.

⁷⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 18. Л. 4 об—5.

⁸⁰ На самом деле Мухамедьяров А.Л. был комиссаром 1075-го полка.

⁸¹ Фамилия командира взвода в тексте не приведена.

⁸² Так в тексте.

⁸³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 26. Л. 20—20 об.

⁸⁴ До присвоения гвардейского звания — 1077-й стрелковый полк.

⁸⁵ Правильно — Фирстов Петр Иванович.

Коммунист Фирсов, возглавлявший эту группу, был тяжело ранен. Немцы вытащили его раненого на дорогу, и потом десяток танков прошел через него.

Мы установили это на Северо-западном фронте из частного письма односельчанина этой деревни, которую эти 11 саперов защищали. Он видел это и написал сперва в Западный фронт Жукову и Булганину, а Жуков и Булганин переслали это письмо нам. Нашли обрывок газеты, подписанной редактором Павлом Кузнецовым, и по этому обрывку газеты установили, что речь идет об этих 11-ти.

Я хочу сказать, что этот подвиг 11 героев, — им, правда, не было присвоено звание героев, но они были награждены посмертно орденом Ленина, — этот подвиг видел житель этой деревни. Он писал, что Фирсов был втащен еще живым под танк, и через него проходили десятки танков в виде мести»⁸⁶.

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 г. на станции Перхушково.

«Еще пример. На самом правом фланге нашего 277 полка, правее Волоколамска, проявили героизм 10 бойцов и 11-й политрук. Обороняли одну дорогу, выходящую на Волоколамское шоссе. Там небольшой мостик был. Им было приказано оборонять этот мост и ни в коем случае не пропускать ни одного танка, ни одного немца, в случае чего взорвать мост, а самим драться до последнего человека.

Эти десять человек во главе с политруком приняли бой. Туда направились танки в сопровождении пехоты. Пехоту они отбили от танков. Танки пропустили через себя, сами остались в траншеях. Отбили атаку пехоты противника. Несколько раз немцы пытались атаковать, обойти, уничтожить или захватить эту группу. Они дрались до последнего. Теряли убитыми, ранеными, но противника не пропускали. Танки, видя, что пехота не двигается за ними, направились обратно. В то время, когда танки стали уходить обратно, они подорвали несколько танков. После этого немцы опять предприняли атаку. Этот бой продолжался несколько часов. Эти одиннадцать панфиловцев-гвардейцев дрались до последнего человека, последним погиб сам политрук. Трупы остались на дороге около этого моста.

Потом нам рассказывали живые свидетели из местного населения, что действительно мост был взорван, и танки не могли проходить по этому мосту. Когда до одного человека их перебили, немцы подошли. Несколько человек тяжелораненых лежали без сознания, их они добились и трупы панфиловцев положили на мост. Эти трупы заменяли бревна, через них они ездили и проходили»⁸⁷.

Это было на другой день после проявления героизма двадцати восьми. Местное население рассказывало, что всех они вынесли и похоронили в братской могиле.

⁸⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 23. Л. 3.

⁸⁷ Здесь явное преувеличение.

Все одиннадцать сапер были представлены к правительственной награде. Все они посмертно награждены орденом Ленина»⁸⁸.

Стенограммы интервью с панфиловцами показывают, что именно эти дни — 16—17—18 ноября — стали днями массового героизма всей 316-й стрелковой дивизии, всех ее полков. Довольно подробно в стенограммах бесед с панфиловцами отражены бои в районы д. Горюны и станции Матренино, где, удерживая Волоколамское шоссе, оборону держал 1-й батальон 1073-го стрелкового полка под командованием Баурджана Момыш-Улы. Батальон составлял резерв Панфилова и должен был в этом укрепленном районе встретить прорывавшегося противника.

Из стенограммы беседы с Толстуновым Федором Дмитриевичем⁸⁹, 1912 г.р., в период боев под Москвой — батальонный комиссар, инструктор пропаганды 1073-го стрелкового полка. Беседу проводили 30 октября 1944 г. в Москве на общевоинском факультете ВВВПК сотрудники комиссии Е.М. Грищевская и О.А. Рослякова.

«14 октября⁹⁰ Панфилов взял к себе в резерв 1-й батальон нашего полка и направил его несколько в тыл по этому шоссе, приказал занять оборону в д. Горюны на шоссе Москва—Волоколамск. Заняли оборону в д. Горюны и станция Матренино. <...>

Немец сделал прорыв на левом фланге, сбил 50-ю дивизию⁹¹ и 16 октября⁹² стал подходить в район д. Матренино—Горюново. 17 октября⁹³ подошли туда три немецких танка. Открыли по нашей 1-й стрелковой роте огонь. Рота огонь не открывала, залегла в окопах. Немцы считали, что рота уничтожена. Танкисты вышли из танков, хотели разминировать мостик, который был нами заминирован. Когда они вышли из танков, рота открыла огонь. Часть танкистов была убита, часть разбежалась. Танки остались, и осталась одна легковая машина. Здесь взяли много секретных документов. <...>

Примерно часа в три батальон немцев напал на нашу 1-ю роту, выбил роту с обороны. Рота отошла на опушку леса. После чего командир роты лейтенант Филимонов⁹⁴ привел роту в порядок и с криком «ура» бросился в штыковую атаку на немцев.

⁸⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 18. Л. 4 об—5. Вот имена этих героев: младший лейтенант Петр Иванович Фирстов, младший политрук Алексей Михайлович Павлов, старший сержант Александр Николаевич Зубков, сержант Даниил Константинович Матеркин, красноармейцы Петр Петрович Гениевский, Ерофей Антонович Довжук, Прокофий Григорьевич Калужный, Василий Иванович Маношин, Василий Иванович Семенов, Павел Иосифович Синеговский, Глеб Владимирович Ульченко. См.: Язов Д.Т. Панфиловцы в боях за Родину. М.: ОАО «Издательский дом «Красная звезда», 2011. С. 100.

⁸⁹ Толстунов Ф.Д. — один из героев книги А.А. Бека «Волоколамское шоссе».

⁹⁰ Правильно — ноября.

⁹¹ Имеется в виду 50-я кавалерийская дивизия И.А. Плиева из кавалерийской группы (с 20 ноября 1941 г.— вавкорпуса) генерал-майора Л.М. Доватора.

⁹² Правильно — ноября.

⁹³ Правильно — ноября.

⁹⁴ Лейтенант Ефим Филимонов — один из главных персонажей книги А.А. Бека «Волоколамское шоссе». Подробно бой 1-й роты лейтенанта Филимонова 17 ноября 1941 г. в районе станции Матренино, когда был разгромлен немецкий батальон, описан Беком в 4-й повести, в главе «Так ловят хищных птиц».

Рота эта держала оборону в районе станции Матренино. Немцев отогнали метров на четыреста. Много немцев в этом бою было уничтожено. Одного немецкого офицера взяли в плен. Взяли трофеи и заняли оборону. Ночь находились там. <...>

К утру следующего дня в район Горюнова стали входить немецкие танки. Завязался очень жаркий бой. Немецкие танки подошли вплотную к КП батальона. Открыли огонь. Мы, как полагается, организованно отошли, кто как смог на опушку леса.

Здесь особенно героически проявил себя пулеметчик Блоха⁹⁵. Он установил пулемет на сани и с места на место переезжал. Этим самым он прикрыл отход 3-й и 2-й ротам, которые отошли в район Матренино. К вечеру отошли <...>⁹⁶.

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, 1904 г.р., капитаном, комбатом 1073-го стрелкового полка (на момент первых боев — первый помощник начальника штаба 1073-го полка). Беседу осенью 1942 г. в расположении части проводит А.А. Бек, стенографирует Уфлянд.

<...17/XI идут упорные бои, в разных местах отдельные группы героически дерутся. <...> На другом участке в этот же день, в районе отметки 231,5 80 человек 2-й стрелковой роты во главе с лейтенантом Краевым были окружены 400 немцев с 8-ю танками. Они пошли в контратаку, выбили до 200 немцев, подбили 3 танка, захватили три станковых пулемета, 1 легковую машину — тогда остальные немцы убежали. Это был замечательный бой. Без противотанковых средств разорвали кольцо и отбили атаку немцев⁹⁷.

⁹⁵ Сравним у А.А. Бека:

«Занялся следующий день, девятнадцатое ноября. Последний день обороны Горюнов <...>».

С разных опушек лезут танки и пехота. Ведем огневой бой. Немецкие снаряды выводят из строя одно за другим наши орудия. Ездовой Гаркуша придумал: поставить пулемет на розвальни, запрячь маштачка и стрелять с саней, перебрасывая эту огневую точку из конца в конец деревни <...>».

Толстунов с силой пригибает меня к взрыхленному, перемешанному с глиной снегу, тащит за руку в укрытие.

...Сотоварищ погибших пулеметчиков, командир расчета Блоха ранен, осколок чиркнул по шее. Блоха не оставил розвальней — своего летучего пулеметного гнезда.

Вот несутся эти сани. Рядом с Блохой, странно сбывчившим голову, сидит на соломе у пулемета разгоряченный азартом, страстью боя Божжанов. Вожжи держит тоже отнюдь не приунывший, подгоняющий коня кнутом и сочными ругательствами озорной Гаркуша.

Уже в середине дня этот пулемет остался у меня единственным» (Бек А.А. Указ. соч. С. 518—519).

О пулеметчике Блохе можно узнать из интервью с П.В. Логвиненко: «Блоха был очень недисциплинированным бойцом. Момыш-Улы одно время пытался его расстрелять, но потом все-таки, по моему приказу, расстрел ему отменили и несколько раз его испытывали на отдельных поручениях с такой установкой, что он умрет или оправдает себя. Просто на гибель посылали. Надо было раненого вытащить из-под носа немцев или труп какой-нибудь. Туда его посылали. Испытывали все, воспитывали, добивались, чтобы у него появилось бесстрашие. И он всегда выдерживал. Тут деваться некуда было. После этого ему поручили этот станковый пулемет, и он оказался лучшим пулеметчиком. После этого никто не мог заикнуться, что он трус» (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 26. Л. 25 об—26).

⁹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 8-б. Л. 3—3 об.

⁹⁷ Подробно бой 17 ноября 1941 г. 2-й роты лейтенанта Краева (в книге — лейтенант Заев), в ходе которого было уничтожено свыше 100 гитлеровцев и захвачено 3 танка противника, описан А.А. Беком в 4-й повести в главе «Так ловят хищных птиц».

В другом месте, в районе ст. Матренино, 600 немцев и 6 танков повели наступление на 1-ую стрелковую роту. 120 человек под командованием лейтенанта Филимонова были окружены. Они продемонстрировали бегство. Немцы захватывают пос. Матренино, тогда Филимонов со своими храбрецами идут в контратаку, выбивают около 300 немцев и занимают село. Потом по приказу командования планомерно отходят.

В этот же день 20 человек под командой Исламкулова (мл. лейтенанта) вели упорный бой между Ядрово и Матренино⁹⁸. Когда рота Филимонова стала отходить по приказу, то отход прикрывала группа в 16 человек, которая во главе с Филимоновым и Толстуновым Ф.Д. вела 3 часа бой, сдерживая натиск немецкого батальона, давая роте возможность занять новый рубеж обороны <...>⁹⁹.

Из стенограммы беседы с Семерниным Трофимом Никитовичем, 1912 г.р., красноармейцем 2-й роты 1-го батальона 1073-го стрелкового полка. Беседу осенью 1942 г. в расположении части проводит А.А. Бек, стенографирует Уфлянд.

«...Однажды мы держали оборону в Горюнах, на ж.д. по дороге к ст. Матренино. Оборону занимали 1-я и 2-я роты.

На 1-ю роту наступало до роты немецких автоматчиков. И наша первая рота пошла в атаку, убила 28 фашистов, одного офицера и захватила много трофеев: пулеметов, наганов, автоматов и одного раненого офицера.

Атака была отбита.

На 2-ю роту из дер. Дмитриева шли 4 танка. Мы подбили один танк, отбили одну легковую машину и забрали пушку и много других трофеев. Отбили мы также и пехоту, которая двигалась за танками. <...>

В Горюнах был штаб батальона. На другой день на 1-й батальон ворвались танки и пехота. Бой длился два часа, и они нас выбили и загнали в лес. Окружили.

Из окружения нас опять выводит Момыш-Улы. Он послал один 2-й взвод Бурнаевского перерезать дорогу. Им удалось перерезать дорогу, забрать ма-

⁹⁸ Исламкулов — один из героев книги А.А. Бека «Волоколамское шоссе». Сравним с документом описание у Бека боя 17 ноября 1941 г. небольшой группы в количестве 20 бойцов во главе с Исламкуловым с прорвавшейся немецкой пехотой:

«Близ полудня Исламкулов, рота которого занимала отрезок переднего края у села Ядрово, был вызван в штаб батальона. Захватив связного, взяв полуавтомат, он пошел кружной лесной тропинкой. Она вывела к прогалине, где расположились походные кухни. Под гром пальбы кашевары в засаленных передниках и колпаках занимались своим делом, наряженные на кухню бойцы заготовляли дрова, чистили картошку. И вдруг, когда Исламкулов совсем было миновал кухни, лесом, с тыла, к прогалине вышла немецкая пехота <...>

— Ко мне! Слушай мою команду!

Стоя во весь рост, он первым стал стрелять. Здесь же случайно оказался и лейтенант-штабник Гуреев. Он сразу отдал себя в распоряжение нерастерявшегося строевого командира. Наряд бойцов, связной, повара прибились к Исламкулову. Под команду, залпами, они стреляли, перезаряжали винтовки и снова стреляли. Исламкулов занял место на одном фланге, Гуреев — на другом. Не позволили врагу подойти. Остановили, принудили залечь» (Бек А.А. Указ. соч. С. 503).

⁹⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 3. Л. 7—8.

шину и убить офицера и шофера. Через эту дорогу нас и вывел Момыш-Улы. <...>»¹⁰⁰.

Уже после окончания войны, вспоминая эти дни, когда в ходе оборонительных боев панфиловцы показали образцы мужества, героизма и самопожертвования, Баурджан Момыш-Улы написал в одной из своих книг следующее:

«17 ноября стало днем наиболее яркого проявления массового героизма солдатами и офицерами нашей дивизии. Справедливо называют подвиг 28-ми образцом героизма, но в тот день это было не единичным случаем. В этот же день на участке 1077-го полка, в районе деревни Строково 11 саперов ведут борьбу с 20 танками противника и героически погибают. В этот же день в районе деревни Мыканино 17 бесстрашных под командованием лейтенанта Угрюмова и политрука Георгиева ведут гранатный бой против 25 танков. Из 17 человек уцелело только двое, и они подбили восемь танков. Немцы вынуждены были повернуть назад. В районе деревни Ядрово, в тылу 2-го батальона 1073-го стрелкового полка младший лейтенант Исламкулов Мухаметкул и лейтенант Огуреев, случайно очутившись в тылу с 20 стрелками, отражают атаку батальона немецких автоматчиков. В этот же день в районе Дубосеково против 50 танков ведут борьбу под командованием Клочкова 28 бойцов 4-й роты старшего лейтенанта Гундиловича 1075-го полка полковника Капрова (Гундилович впоследствии погиб в чине майора). В этот же день массовый героизм проявили 80 стрелков командира Семена Краева, политрука Ахтана Хасанова, на станции Матренино 120 стрелков под командованием лейтенанта Филимонова Ефима Ефимовича и 90 стрелков под командованием лейтенанта Танкова в деревне Горюны на Волоколамском шоссе. Вот сколько случаев имели место 17 ноября 1941 года, а не только подвиг 28-ми. Если мужество каких-либо групп, подразделений или отдельных бойцов осталось неотмеченным, то это не делает чести командиру, руководству, значит, они не до конца выполнили свой долг. Было бы совершенно несправедливо и неумно, если бы мы успех всех героев целиком и полностью считали заслугой 28. Они были и есть — 28, и я до земли преклоняюсь перед их мужеством. Считаю его образцом массового героизма, но когда говорят, что они были единичны, это уже не делает чести дивизии <...>»¹⁰¹.

Как видим, героизм в эти ноябрьские дни 1941 г. был массовым явлением.

¹⁰⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 2. Л. 3—5, 7. Сравним у А.А. Бека:

«Вот и еще одна колонна. Огонь! Трах, трах... Грузовики вихрем унеслись. Идет легковая штабная машина. Водитель, ошеломленный внезапной пальбой, тормозит. На шоссе выскакивает офицер и тут же валится, скошенный пулями. Шофер тоже застрелен.

Командую:

— Вперед!

Все кидаются через дорогу. Запряжки рысью обгоняют бойцов. Мчусь к легковой машине. На запястье только что рухнувшего офицера виден след ремешка ручных часов. Кто-то их уже снял. Обнаруживаю в машине радиоаппарат и портфель с документами. Берем это с собой.

Перевалив через шоссе, снова скрываемся в лесу. Снова идем строем» (Бек А.А. Указ. соч. С. 522).

¹⁰¹ См.: Баурджан Момыш-Улы. Психология войны: книга-хроника. Алма-Ата, 1990.

Из стенограммы беседы с Поцелуевым-Снегиным Дмитрием Федоровичем, гвардии майором. Сначала командир батареи, командир дивизиона, позднее начальник штаба артиллерийского полка, начальник штаба артиллерии дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«...За все бои, которые длились непрерывно около 40 дней, мы ни разу не видели наших самолетов. Раза два промелькнула, как сумасшедшая, наша дальняя авиация. Танков наших мы не видели, за исключением 4-х танков в районе Голубцова. Но их сразу подбили, они загорелись...

Что самое страшное: мы проклинали ясную погоду под Москвой, мы ненавидели ясную погоду. Но здесь¹⁰² и пурга, и метель, а они все равно летают и бьют, и бьют».

«Обстановка была такая, когда в пехотном полку оставалось по 70 человек. А то никогда не забуду эпизод, как я искал себе наблюдательный пункт на одной из дач. Вышел, смотрю: лежит казах с энергичным лицом, с воспаленными глазами и по телефону кричит: «Я все сделаю. Со мной вместе 71 человек». Это был старший лейтенант Момыш-Улы. Командир его полка был ранен, и он был легко ранен в позвоночник, но командовал полком. Такая была обстановка»¹⁰³.

В отличие от многих современных российских исследователей, которые стараются умалить подвиг советских солдат и командиров в битве под Москвой, западногерманские историки признали бесспорным тот факт, что на подступах к Москве солдаты вермахта столкнулись с героическим сопротивлением советских войск. Вернер Хаупт в книге «Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941—1942» пишет:

«Здесь немцы столкнулись с фанатичным сопротивлением новых сибирских дивизий, которые не желали сделать ни шагу назад. Русские не испугались танков с крестами на башнях, атаковали их средствами ближнего боя и освобождали дорогу только мертвыми. Здесь на Волоколамском шоссе в районе Бородина — на поле сражения, где 130 годами раньше встретился со своей судьбой император Наполеон, 32-я сибирская и 316-я стрелковая дивизии Красной армии стояли насмерть, до последнего солдата»¹⁰⁴.

И еще: «Так же как и 44-я кавалерийская дивизия в районе Мусина, на всем протяжении Московского фронта русские войска стояли насмерть, не щадя своей жизни. Многие дивизии после сражения прекратили свое существование, погибли все офицеры и комиссары. Нередко из боя возвращались единицы — всего 350 солдат осталось от 316-й стрелковой дивизии и 58-й танковой бригады. С фанатичным сопротивлением столкнулись все немецкие дивизии и боевые группы, которые 16 ноября начали наступление на Москву»¹⁰⁵.

¹⁰² В оборонительных боях за Крюково в начале декабря 1941 г.

¹⁰³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 32. Л. 9. Здесь Поцелуев-Снегин ошибается, в это время командиром 1073-го стрелкового полка был уже Момыш-Улы.

¹⁰⁴ Хаупт В. Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941—1942 / Пер. с нем. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. С. 107.

¹⁰⁵ Там же. С. 132.

* * *

В завершение этой истории важно вернуться к ответу на вопрос, вынесенный в заголовок: так был ли подвиг? Мы категорически не согласны с теми, кто считает подвиг 28 панфиловцев исключительно литературным вымыслом. Приводимые нами документы подтверждают массовый характер героизма и самопожертвование советских солдат в октябре-ноябре 1941 г. на подступах к Москве. Не только выделенные журналистами 28 реальных, не вымышленных солдат, оказавшихся 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково, а все без исключения роты и полки дивизии Панфилова (сам генерал Панфилов погиб 18 ноября 1941 г.) ожесточенно, не щадя себя дрались в это время с хорошо вооруженным врагом, в итоге остановив его продвижение к столице. Именно потому, что написавшие о 28 героях журналисты по большому счету не покривили против истины, хорошо знавшие ситуацию бойцы и командиры Панфиловской дивизии не воспринимали эту историю как «пропагандистский миф» и не протестовали против элементов литературного вымысла.

«16 ноября было не только днем двадцати восьми, но и днем массового героизма Панфиловской дивизии, стоявшей насмерть против 5 фашистских дивизий, в том числе двух танковых», — писал по этому поводу в августе 1942 г. в «Красной звезде» комиссар соседнего 1073-го стрелкового полка П.В. Логвиненко. Он в интервью Комиссии Минца и еще ранее в публикациях во фронтовой печати приводил примеры других подвигов, совершенных 16—17 ноября 1941 г., которые по стечению обстоятельств не стали столь же широко известны. В частности, Логвиненко рассказал о заслоне из 11 саперов, в течение дня ценой жизней сдерживавших наступление немцев у д. Строково, а также о «семнадцати бесстрашных» — солдатах, оставшихся от взвода истребителей танков Толгарского полка. «Не хватит газетной страницы, чтобы перечислить все подвиги этого дня»¹⁰⁶, — заключал тогда Логвиненко.

Конкретная история о 28 панфиловцах, погибших под гусеницами фашистских танков, была написана военным корреспондентом Коротеевым и главным редактором газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенбергом. Они получили информацию о массовом героизме солдат 4-й и 5-й рот 1075-го полка и с помощью литературных приемов придали этой реальной истории яркую драматургию и драматизм. Ни о какой сознательной мифологизации истории они не помышляли, а просто честно делали журналистскую работу, в которой, в отличие от труда историка, творческий домысел, отражающий суть явления, — обычное дело и в военное, и в мирное время.

Не могли они предвидеть и громких последствий выхода этой первой статьи. Но, видимо, именно ее драматизм «зацепил» читателей, после чего в «Красную звезду» хлынул поток писем и отзывов. В том числе и от руководителей страны. Вот как об этом впоследствии рассказывал сам Д.И. Ортенберг:

¹⁰⁶ Логвиненко П.В. Традиции 28 героев (Из дневника политработника) // Красная звезда. 1942. 27 августа.

«Одним из первых позвонил мне Михаил Иванович Калинин и сказал:

— Читал вашу передовую. Жаль людей — сердце болит. Правда войны тяжела, но без правды еще тяжелее. Хорошо написали о героях. Надо бы разузнать их имена. Постарайтесь. Нельзя, чтобы герои остались безымянными».

«Затем мне сообщили, что передовую читал Сталин и тоже одобрительно отозвался о ней», — признался Ортенберг.

В такой ситуации журналисты не решились признаться, что часть истории они домыслили, создав из 28 своего рода «собираемый образ» героев. Тем временем «сверху» потребовали конкретных имен и подробностей. «Мы командировали спецгруппу в Панфиловскую дивизию, — вспоминал впоследствии Д.И. Ортенберг. — С помощью работников политотдела ему удалось восстановить всю картину боя у разъезда Дубосеково. Мы опубликовали имена 28 погибших гвардейцев-панфиловцев. А вскоре редакция получила для опубликования Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им звания Героя Советского Союза»¹⁰⁷.

Нет необходимости отрицать, что журналисты «Красной звезды» своей публикацией преследовали в первую очередь пропагандистские цели, а не историческую реконструкцию картины боя. Однако нужно в полной мере осознавать, в какой критической ситуации для страны все это происходило. И насколько важно было в тех условиях склонить чашу весов в свою пользу, если не танками и самолетами, в которых мы пока уступали немцам, то обновить гитлеровскую военную машину силой духа и самопожертвованием советских солдат. И действительно, подвиг 28 панфиловцев, моментально благодаря публикации в «Красной звезде» оказавшись достоянием гласности, стал примером для других бойцов, сыграв важную агитационную и мобилизующую роль.

Итак, был ли подвиг? Он безусловно был, причем не только 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково. И героев среди панфиловцев, защищавших Москву осенью 1941 г., было значительно больше, чем 28, попавших в учебники истории.

---

¹⁰⁷ См.: Ортенберг Д.И. Июнь-декабрь сорок первого: Рассказ хроника. М.: Советский писатель, 1984. С. 283—284. Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го полка (запись беседы сделана 4 января 1947 г.): «В нашей дивизионной газете «За родину» Мухамедяров, как комиссар, написал об факте статью. Немного позже, примерно уже в декабре к нам приезжал Кривицкий — корреспондент газеты «Известия» (правильно — «Красная звезда»). Он прочитал эту статью и поехал в полк, начал расспрашивать и написал тогда статью «Их было двадцать восемь» (правильно — «О 28 наших гвардейцах»). Через некоторое время нам было предложено оформить все материалы. Стали много писать об этом. Было предложено тов. Щербаковым представить их к званию Героев Советского Союза».